
ПЕСНИ
РУССКИХ
ПОЭТОВ

ПЕСНИ РУССКИХ ПОЭТОВ

(КОНЕЦ XVIII - НАЧАЛО XX ВЕКА)

Ленинград
«Художественная литература»
Ленинградское отделение
1973

Р I
П 28

Вступительная статья и составление
А. Бихтера

Оформление художника
Льва Епифанова

7-4-1
19-73

ПЕСНИ РУССКИХ ПОЭТОВ

Наряду с русскими песнями, созданными устной народной поэзией, с давних времен широкое распространение получили песни литературного происхождения. Авторы текста таких песен — известные, а часто и забытые поэты.

Конечно, для массового распространения песни большое значение имеют особый музыкально-песенный ритм, характерный народно-музыкальный лад и яркая, запоминающаяся мелодия. Но без текста, без лирического сюжета, без близких народному сознанию поэтических образов самая проникновенная музыка остается «песней без слов». Текст и музыка в песне составляют единое, неразрывное целое, хотя они зачастую находятся между собой в очень сложных взаимоотношениях. Сочетание их не подчиняется никаким устойчивым законам.

Иногда слова и музыка рождаются одновременно, в едином творческом акте. Но чаще песенные произведения отделены от своих литературных первоисточников десятилетиями. Наконец, бывают и случаи, когда сохранившийся в памяти поколений музыкальный напев встречается с новыми словами, дающими ему новую песенную жизнь, то есть поэт создает текст, приспосабливая его к известной музыке, и, таким образом, слово становится не первичным, а напротив, как бы вторичным элементом.

Историю русской песни литературного происхождения следует начинать с XVIII века[1]. В настоящем сборнике дано несколько образцов песен русских поэтов конца XVIII века, получивших массовое распространение. Это относится прежде всего к творчеству поэтов И. И. Дмитриева и

---

[1] Мы не касаемся здесь русских народных песен, изучением которых занимается фольклористика, а также анонимных песен XVII—XVIII веков.

Ю. А. Нелединского-Мелецкого. Стихи, созданные ими, типичны для того направления русской литературы конца XVIII века, которое получило название сентиментализма. Герои их поэзии — пастухи и пастушки на обязательном фоне лугов и речек; чувства, которые она выражает, — пылкая любовная страсть, умиление и кротость, безвольная покорность року, надежды на соединение с любимой. Это характерно для сентиментальной поэзии в целом, но для песен конца XVIII века — в особенности. Замечательно, что из многих жанров, к которым обращались поэты-сентименталисты и которыми они прославились среди своих современников, в памяти потомков сохранились только некоторые песни, все же остальное их творчество стало давно уделом истории литературы. В качестве примера можно назвать песню И. И. Дмитриева «Стонет сизый голубочек...», созданную в конце XVIII века и дожившую до наших дней.

В начале и первой половине XIX века характер и содержание литературных песен резко меняются. В начале XIX века сложился жанр «русской песни». Поэты, создававшие такие песни, ставили перед собой задачу — овладеть подлинно фольклорной традицией.

События Отечественной войны 1812 года развили в русском обществе интерес к народным истокам национальной культуры. В литературных кругах разгораются споры о проблемах народности, романтизма, о путях и средствах создания подлинно национальной русской поэзии. Решение этой задачи связывается прежде всего с обращением к устному народному творчеству. Родоначальниками жанра «русской песни» следует считать А. Мерзлякова, Н. Цыганова и А. Дельвига; расцвет его связан с именем Кольцова. Такие песни, как «Среди долины ровныя...» Мерзлякова, «Не шей ты мне, матушка...» Цыганова и «Ах ты, ночь ли...» Дельвига, структурой своей, самой техникой стиха имитировали фольклорные образцы. Песни Алексея Кольцова особенно полюбились народу. И не случайно некоторые из них еще при жизни поэта были положены на музыку многими композиторами. Это относится

в особенности к мелодраматической по сюжету песне «Хуторок» (1839).

Знаменательно, что в споры о народности включились и декабристы, которые видели в обращении к фольклору одно из средств демократизации культуры. Как известно, они широко использовали песню в своей агитационной деятельности. Некоторые из их песен получили распространение не только в кругах революционно настроенной дворянской интеллигенции, но и в солдатской среде, а такая, например, песня, как «Ах, тошно мне...», приобрела широкую известность в народных массах.

Наряду с «русской песней» в начале XIX века появляются и другие жанры вокальной лирики: песня-элегия (многие стихотворения Пушкина) и песня-баллада («Ночной смотр» Жуковского, «Воздушный корабль» Лермонтова). Возникают и особые жанры «дорожной», «ямщицкой», а позднее «тюремной», «каторжной» песни. Эти песни все шире входят в народный песенный быт, проникая в него через многочисленные песенники, распространяясь как безымянные и часто — как народные. Если в XVIII веке песни становились достоянием прежде всего дворянской, а порою и мещанской городской интеллигенции и лишь в незначительной мере проникали в деревню, в среду немногочисленных грамотных крестьян, то песни середины XIX века пелись и в городах и в селах, в самой различной социальной среде и на всех необъятных просторах России. Песня приобретала, таким образом, массовый, подлинно всенародный характер.

Остановимся особо на стихах Пушкина, положенных на музыку. Композиторы и музыканты, в том числе современники поэта, весьма охотно обращались к текстам Пушкина. На его стихи только при жизни поэта написали музыку 27 композиторов. В дальнейшем на тексты Пушкина писали музыку очень многие русские композиторы. Однако любопытно отметить, что популярными песнями стали преимущественно ранние произведения поэта: «Казак», «Романс» («Под вечер, осенью ненастной...»),

«Черная шаль», «Узник» и другие. Зрелая лирика Пушкина чаще вдохновляла композиторов на создание романсов, которые также получили широкую известность.

Массовому распространению русской песни способствовало то немаловажное обстоятельство, что именно в XIX веке происходит знаменательная встреча русской поэзии с творчеством Глинки, Даргомыжского, а также Верстовского, Варламова, Гурилева, Алябьева и других замечательных русских композиторов. Все они, а позже — Рубинштейн, Римский-Корсаков, Мусоргский, Бородин, Чайковский, Гречанинов, Рахманинов и Глазунов вместе с поэтами создавали замечательные образцы русской песни.

Давно уже замечено, что гениальный композитор при создании песни не всегда пользуется текстом, принадлежащим выдающемуся поэту, и, наоборот, массовую популярность порою получает песня на слова замечательного поэта с музыкой третьестепенного композитора. Любопытные примеры того и другого рода следует привести. Песня-романс Лермонтова «Выхожу один я на дорогу...» получила всенародную известность с музыкой малоизвестного композитора Елизаветы Шашиной. А замечательная песня композитора Гурилева «Однозвучно гремит колокольчик...» написана им на слова незначительного поэта середины XIX века — И. Макарова. Текст одного из лучших романсов Глинки — «Сомнение» («Уймитесь, волнения страсти...») принадлежит второстепенному поэту пушкинской эпохи Н. Кукольнику. А известное стихотворение поэта Языкова «Пловец» («Нелюдимо наше море...») стало одной из самых популярных песен с музыкой второстепенного композитора К. П. Вильбоа. Подобные примеры можно было бы умножить.

Много нового в историю русской песни внесли песни на слова Некрасова и поэтов его школы. Ярко выраженная крестьянская тематика, горячее чувство любви к страдающему под двойным — социальным и бытовым — гнетом народу, особое внимание к судьбе русской женщины-крестьянки сделали их

исключительно популярными. Прежде всего это относится к известным отрывкам из поэмы Некрасова «Коробейники» («Ой, полна, полна, коробушка...» и «Хорошо было детинушке...), превратившимся в самостоятельные песни.

Стихи последователей Некрасова — крестьянских поэтов конца века, в особенности И. Сурикова, стали богатым источником массовой русской песни. Наиболее задушевный характер носят песни, связанные с хорошо знакомыми всем картинами русской природы, символически выражающими чувства и настроения, самую судьбу человека. На примере одной только песни Сурикова «Рябина» («Что шумишь, качаясь...») можно проследить, как живуча в народе хорошая песня и как с равной силой звучит она в самые, казалось бы, различные периоды русской жизни. Созданная в 1864 году, песня эта стала популярна уже в конце XIX века. Ее пели и в начале XX века. Она пришлась по душе и молодому советскому народу в первые годы гражданской войны. Но особенную популярность она приобрела уже в годы Великой Отечественной войны, хотя и с некоторыми изменениями в тексте.

Вообще следует подчеркнуть, что песня, созданная поэтом, далеко не всегда переходит к следующим поколениям слово в слово, то есть в том виде, как она написана. Напротив, весьма часто она варьируется, текст ее сокращается, в ней опускаются какие-то отдельные слова, строки или даже целые строфы, заменяясь порой другими, по мнению поющих — более точными или более подходящими для песни словами. Процесс это длительный, он занимает иногда целые десятилетия.

Вторая половина и конец XIX века приносят в русскую песню принципиально новую, революционную тему. Собственно, вольнолюбие и мятежные мотивы были свойственны ей с самого начала XIX века. Недаром такую большую популярность еще в фольклоре всегда имели так называемые «разбойничьи» песни, в которых народ выражал свое отношение к героям-одиночкам, бунтарям, боровшимся против царского и помещичьего произвола. Особо выделил и запомнил народ

песни, связанные с образами Степана Разина и его казачьей вольницы. Песни о Разине (такие, как «Из-за острова на стрежень...» и «Зазноба» Д. Н. Садовникова, «Утес Стеньки Разина» А. А. Навроцкого и «Казнь Стеньки Разина» И. З. Сурикова) не просто пелись и были любимы в народе, но стали как бы своеобразным эталоном русской песни и для их современников и для последующих поколений.

Однако только в конце XIX — начале XX века в песенники проникает революционная песня в ее новой форме — песня, зовущая к единству, борьбе и свободе («Смело, товарищи, в ногу!..» Л. П. Радина, русская марсельеза — «Отречемся от старого мира!..» П. Л. Лаврова, «Варшавянка» Г. М. Кржижановского, суровый и гневный, торжественно-траурный реквием «Вы жертвою пали в борьбе роковой...» неизвестного автора).

Не следует, однако, думать, что с развитием революционной борьбы народа в песне ослабевает или перестает звучать тема любовная, лирическая. Тема любви всегда жила в песне, широко звучала в ней, мало того — она составляла и составляет одну из несомненных основ ее популярности.

Атмосфера жизни большого города в XX веке, безусловно, накладывает свой отпечаток на характер и некоторые особенности распространения песни. Так, с одной стороны, развивается студенческая песня, известная еще со времен Языкова. Эта песня бытовала главным образом в наиболее прогрессивных, демократических кругах городской интеллигенции. Такова, например, песня неизвестного автора «Золотых наших дней...» с припевом:

Проведемте ж, друзья,
Эту ночь веселей,
Пусть студентов семья
Соберется тесней!

Среди революционно настроенного студенчества в нее при исполнении вставлялись такие строфы:

За здоровье того,
Кто «Что делать» писал,

За героев его,
За его идеал.

И еще:

Выпьем мы за того,
Кто писал «Капитал»,
И за друга его,
Что ему помогал.

Студенческая и бурлацкая вольная русская песня, например, «Дубинушка», бытовавшая еще с 70-х годов XIX века, утвердилась в песенном быту в значительной мере благодаря Шаляпину и другим ее талантливым исполнителям.

С другой стороны, набирая все большую и большую силу, начала звучать так называемая «цыганская песня», обслуживавшая вначале достаточно пеструю в социальном отношении ресторанную публику, а оттуда проникавшая и в рабочую и даже в крестьянскую среду. Широкой популярностью такая песня была обязана подчас не столько своему сюжету и музыкальному напеву, сколько исполнителям, накладывавшим на нее свой неповторимый артистический отпечаток. Благодаря им порой убогая по тексту и несложная по музыкальному выражению вещь воспринималась как произведение искусства. Так, например, расцвет «цыганской песни» в начале XX века, несомненно, связан с появлением таких ее блестящих исполнительниц, как Вяльцева, Панина и Плевицкая, сделавших цыганскую песню в сопровождении гитары великолепной вокально-музыкальной миниатюрой.

Русские песни начала XX века уже непосредственно связаны с крупными социально-политическими событиями эпохи — русско-японской войной (песни о «Варяге»), революцией 1905 года («На десятой версте от столицы...» П. К. Эдиета и др.), с первыми шагами интернационального объединения рабочих масс («Красное знамя» — русский перевод песни польского поэта Б. Червеньского, «Интернационал» в переводе А. Я. Коца). Интересно, что среди авторов текста этих песен все чаще встречаются имена не литераторов, а лиц, близких к

революционному движению, и профессиональных революционеров. Песни Радина и Кржижановского, например (не говоря уж об «Интернационале» Коца), звучавшие как пролетарские гимны, поднимали рабочих на борьбу, звучали в грозные дни восстаний, на баррикадах и массовых демонстрациях рабочего класса.

В заключение хотелось бы сказать несколько слов о самой структуре песни, о ее поэтике. Что же делает песню песней? Поэт может написать текст песни, композитор — положить его на музыку, но это не значит, что песню будут петь (здесь речь не идет, конечно, о концертном ее исполнении). Почему некоторые стихи «не ищут» себе ни исполнителя, ни слушателя, а облетают всю страну, запоминаются прочно, поются всеми и повсюду, передаются последующим поколениям, подхватываются ими и обретают таким образом долгую жизнь в веках? А другие, даже будучи положенными на музыку, не становятся песнями, не переходят в устную песенную традицию. В чем здесь дело? Прежде всего песня должна быть написана просто и понятно, на какую-то очень близкую народу (в самом широком смысле) и волнующую его тему. Причем «масштабы» этой темы не имеют существенного значения. Они могут колебаться от большого и глубокого социального замысла поэта до несложного лирико-драматического или даже мелодраматического сюжета. У песни свои, особые, специфические законы. Песенная структура — иная, чем структура поэтического и даже музыкального произведения. Попробуем проиллюстрировать это на примере одной из наиболее популярных песен конца XIX — начала XX века. Речь пойдет о песне на стихи Л. Н. Трефолева «Ямщик».

Стихотворение Трефолева написано в 1868 году. Оно представляет собой перевод стихотворения польского поэта Владислава Сырокомли (Кондратовича) «Postylion». Это типичная жанровая, мелодраматическая баллада на характерном «ямщицком» материале. В стихотворении 68 строк. Песенный же вариант ее, укоренившийся в начале XX века, имеет всего

32 строки. Такое значительное сокращение авторского текста далеко не случайно и позволяет сделать первый вывод: песня не терпит большого объема. Мелодия ее (как и у большинства песен) — повторяющаяся, куплетная, и излишнее повторение снижает эмоциональный пафос исполнения. Но только ли в объеме здесь дело? Стихотворение в первоначальном его виде начинается убедительным и важным для разработки сюжета зачином. Это разговор друзей за чаркой вина, их обращения к ямщику с просьбой поделиться с ними своим горем. Песне подобный зачин не нужен. Он отбрасывается. И только с третьей строфы начинается собственно рассказ ямщика, то есть вступает главная, единственно необходимая для песенного варианта тема:

Когда я на почте служил ямщиком... и т. д.

Итак, песня не терпит и сюжетных отклонений, даже когда они органически подготавливают дальнейшее развитие. Но безымянные и многоликие соавторы в создании песни (скорее всего это были первые же ее исполнители) не ограничиваются и этим, так сказать, выходом на необходимую сюжетную «прямую». И в дальнейшем все, что кажется им отвлекающим от главного сюжетно-драматического стержня песни, отбрасывается или даже заменяется другим текстом. Сокращаются или контаминируются строки из разных строф. И все с одной главной целью — заставить песню звучать на одном дыхании. Спору нет — само стихотворение теряет при этом что-то в реалистических деталях быта, в психологических нюансах, но зато *песня* безмерно выигрывает в целенаправленном устремлении сюжетно-драматического хода. Ямщик (в авторском тексте стихотворения) уже на третьей версте увидал на дороге тело, услышал стоны и намеревается на обратном пути спасти от гибели чью-то «христианскую душу». Только возвращаясь назад на рассвете, он узнает в погибшей свою невесту. В песенном варианте возврат ямщика отброшен. Не живого

человека, которого можно еще спасти, а труп невесты он видит под снегом, и заключительные слова ямщика:

Налейте, налейте скорей мне вина,
Рассказывать больше нет мочи!..

становятся понятны и без зачина, в котором собеседники обещали наградить его чаркой вина за рассказ о своем горе.

Мы привели только один пример. Но так или почти так (за редким исключением) происходит и с любым песенным вариантом любого, даже самого широко известного стихотворения.

Мы рассмотрели основные этапы истории русской песни. После Октябрьской революции советские поэты и композиторы создали новые песни, которые подхватывались новыми поколениями. Но наряду с новыми звучат и лучшие песни русских поэтов XIX века, составляя неотъемлемую часть культурного наследия советского человека.

А. Бихтер

ПЕСНИ РУССКИХ ПОЭТОВ

И. И. ДМИТРИЕВ

(1760—1837)

* * *

Стонет сизый голубочек,
Стонет он и день и ночь;
Миленький его дружочек
Отлетел надолго прочь.

Он уж боле не воркует
И пшенички не клюет;
Всё тоскует, всё тоскует
И тихонько слезы льет.

С нежной ветки на другую
Перепархивает он
И подружку дорогую
Ждет к себе со всех сторон.

Ждет ее... увы! но тщетно,
Знать, судил ему так рок!
Сохнет, сохнет неприметно
Страстный, верный голубок.

Он ко травке прилегает;
Носик в перья завернул;
Уж не стонет, не вздыхает;
Голубок... навек уснул!

Вдруг голубка прилетела,
Приуныв, издалека,
Над своим любезным села,
Будит, будит голубка;

Плачет, стонет, сердцем ноя,
Ходит милого вокруг —
Но... увы! прелестна Хлоя!
Не проснется милый друг!

‹1792›

Ю. А. НЕЛЕДИНСКИЙ-МЕЛЕЦКИЙ

(1752—1828)

* * *

Выйду я на реченьку,
Погляжу на быструю —
Унеси мое ты горе,
Быстра реченька, с собой!

Нет, унесть с собой не можешь
Лютой горести моей;
Разве грусть мою умножишь,
Разве пищу дашь ты ей.

За струей струя катится
По склоненью твоему:
Мысль за мыслью так стремится
Всё к предмету одному.

Ноет сердце, заныває,
Страсть мучительну тая.
Кем страдаю, тот не знает,
Терпит что душа моя.

Чем же злую грусть рассею,
Сердце успокою чем?
Не хочу и не умею
В сердце быть властна моем.

Милый мой им обладает:
Взгляд его — мой весь закон.
Томный дух пусть век страдает,
Лишь бы мил всегда был он.

Лучше век в тоске пребуду,
Чем его мне позабыть.
Ах! коль милого забуду,
Кем же стану, кем же жить?

Каждое души движенье —
Жертва другу моему.
Сердца каждое биенье
Посвящаю я ему.

Ты, кого не называю,
А в душе всегда ношу!
Ты, кем вижу, кем пылаю,
Кем я мыслю и дышу!

Не почувствуй ты досады,
Как дойдет мой стон к тебе.
Я за страсть не жду награды,
Злой покорствуя судьбе.

Если ж то найдешь возможным,
Силу чувств моих измерь!
Словом ласковым, хоть ложным,
Ад души моей умерь!

‹1796›

Г. А. ХОВАНСКИЙ

(1767—1796)

НЕЗАБУДОЧКИ

(Песня на голос: «Выйду ль я на реченьку...»)

Я вечор в лугах гуляла,
Грусть хотела разогнать
И цветочков там искала,
Чтобы к милому послать.

Долго, долго я ходила:
Погасал уж солнца свет;
Все цветочки находила,
Одного лишь нет как нет!

Нет! Цветочка дорогого
Я в долинах не нашла;
Без цветочка голубого
Я домой было пошла.

Шла домой с душой унылой;
Недалёко от ручья
Вижу вдруг цветочек милый:
Вмиг его сорвала я!

Незабудочку сорвала —
Слезы покатились вдруг.
Я вздохнула и сказала:
«Не забудь меня, мой друг!

Не дари меня ты златом,
Подари лишь мне себя:
Что в подарке мне богатом?
Ты скажи: люблю тебя!»

‹1796›

Г. Р. ДЕРЖАВИН

(1743—1816)

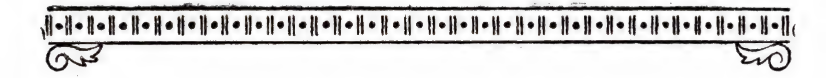
ПЧЕЛКА

Пчелка златая!
Что ты жужжишь?
Всё вкруг летая,
Прочь не летишь?
Или ты любишь
Лизу мою?

Соты ль душисты
В желтых власах,
Розы ль огнисты
В алых устах,
Сахар ли белый
Грудь у нее?

Пчелка златая!
Что ты жужжишь?
Слышу, вздыхая,
Мне говоришь:
«К меду прилипнув,
С ним и умру».

‹1797›

В. А. ЖУКОВСКИЙ

(1783—1852)

⟨ИЗ БАЛЛАДЫ «СВЕТЛАНА»⟩

Раз в крещенский вечерок
Девушки гадали:
За ворота башмачок,
Сняв с ноги, бросали;
Снег пололи; под окном
Слушали; кормили
Счетным курицу зерном;
Ярый воск топили;
В чашу с чистою водой
Клали перстень золотой,
Серьги изумрудны;
Расстилали белый плат
И над чашей пели в лад
Песенки подблюдны.

Тускло светится луна
В сумраке тумана —
Молчалива и грустна
Милая Светлана.
«Что, подруженька, с тобой?
Вымолви словечко;
Слушай песни круговой,
Вынь себе колечко.

Пой, красавица: «Кузнец,
Скуй мне злат и нов венец,
Скуй кольцо златое;
Мне венчаться тем венцом,
Обручаться тем кольцом
При святом налое».

— «Как могу, подружки, петь?
Милый друг далёко;
Мне судьбина умереть
В грусти одинокой.
Год промчался — вести нет;
Он ко мне не пишет;
Ах! а им лишь красен свет,
Им лишь сердце дышит...
Иль не вспомнишь обо мне?
Где, в какой ты стороне?
Где твоя обитель?
Я молюсь и слезы лью!
Утоли печаль мою,
Ангел-утешитель».

1808-1812

ПЕСНЯ

Кольцо души-девицы
Я в море уронил;
С моим кольцом я счастье
Земное погубил.

Мне, дав его, сказала:
«Носи! не забывай!
Пока твое колечко,
Меня своей считай!»

Не в добрый час я невод
Стал в море полоскать;
Кольцо юркнуло в воду;
Искал... но где сыскать!..

С тех пор мы как чужие!
Приду к ней — не глядит!
С тех пор мое веселье
На дне морском лежит!

О ветер полуночный,
Проснися! будь мне друг!
Схвати со дна колечко
И выкати на луг.

Вчера ей жалко стало:
Нашла меня в слезах!
И что-то, как бывало,
Зажглось у ней в глазах!

Ко мне подсела с лаской,
Мне руку подала,
И что-то ей хотелось
Сказать, но не могла!

На что твоя мне ласка!
На что мне твой привет!
Любви, любви хочу я...
Любви-то мне и нет!

Ищи, кто хочет, в море
Богатых янтарей...
А мне мое колечко
С надеждою моей.

1816

НОЧНОЙ СМОТР

В двенадцать часов по ночам
Из гроба встает барабанщик;
И ходит он взад и вперед,
И бьет он проворно тревогу.
И в темных гробах барабан
Могучую будит пехоту:
Встают молодцы егеря,
Встают старики гренадеры,
Встают из-под русских снегов,
С роскошных полей италийских,
Встают с африканских степей,
С горючих песков Палестины.

В двенадцать часов по ночам
Выходит трубач из могилы;
И скачет он взад и вперед,
И громко трубит он тревогу.
И в темных могилах труба
Могучую конницу будит:
Седые гусары встают,
Встают усачи кирасиры;
И с севера, с юга летят,
С востока и с запада мчатся
На легких воздушных конях
Один за другим эскадроны.

В двенадцать часов по ночам
Из гроба встает полководец;
На нем сверх мундира сюртук;
Он с маленькой шляпой и шпагой;
На старом коне боевом
Он медленно едет по фрунту;
И маршалы едут за ним,
И едут за ним адъютанты;
И армия честь отдает.
Становится он перед нею;
И с музыкой мимо его
Проходят полки за полками

И всех генералов своих
Потом он в кружок собирает,
И ближнему на ухо сам
Он шепчет пароль свой и лозунг;
И армии всей отдают
Они тот пароль и тот лозунг:
И *Франция* — тот их пароль,
Тот лозунг — *Святая Елена.*
Так к старым солдатам своим
На смотр генеральный из гроба
В двенадцать часов по ночам
Встает император усопший.

1836

А. Ф. МЕРЗЛЯКОВ

(1778—1830)

* * *

Среди долины ровныя,
На гладкой высоте,
Цветет, растет высокий дуб
В могучей красоте.

Высокий дуб, развесистый,
Один у всех в глазах;
Один, один, бедняжечка,
Как рекрут на часах!

Взойдет ли красно солнышко —
Кого под тень принять?
Ударит ли погодушка —
Кто будет защищать?

Ни сосенки кудрявыя,
Ни ивки близ него,
Ни кустики зеленые
Не вьются вкруг него.

Ах, скучно одинокому
И дереву расти!
Ах, горько, горько молодцу
Без милой жизнь вести!

Есть много сребра, золота —
Кого им подарить?
Есть много славы, почестей —
Но с кем их разделить?

Встречаюсь ли с знакомыми —
Поклон, да был таков;
Встречаюсь ли с пригожими —
Поклон да пара слов.

Одних я сам пугаюся,
Другой бежит меня.
Все други, все приятели
До черного лишь дня!

Где ж сердцем отдохнуть могу,
Когда гроза взойдет?
Друг нежный спит в сырой земле,
На помощь не придет!

Ни роду нет, ни племени
В чужой мне стороне;
Не ластится любезная
Подруженька ко мне!

Не плачется от радости
Старик, глядя на нас;
Не вьются вкруг малюточки,
Тихохонько резвясь!

Возьмите же всё золото,
Все почести назад;
Мне родину, мне милую,
Мне милой дайте взгляд!

⟨1810⟩

А. С. ПУШКИН

(1799—1837)

РОМАНС

Под вечер, осенью ненастной,
В далеких дева шла местах
И тайный плод любви несчастной
Держала в трепетных руках.
Всё было тихо — лес и горы,
Всё спало в сумраке ночном;
Она внимательные взоры
Водила с ужасом кругом.

И на невинное творенье,
Вздохнув, остановила их...
«Ты спишь, дитя, мое мученье,
Не знаешь горестей моих,
Откроешь очи и тоскуя
Ко груди не прильнешь моей.
Не встретишь завтра поцелуя
Несчастной матери твоей.

Ее манить напрасно будешь!..
Стыд вечный мне вина моя, —
Меня навеки ты забудешь;
Тебя не позабуду я;
Дадут покров тебе чужие

И скажут: «Ты для нас чужой!»
Ты спросишь: «Где ж мои родные?»
И не найдешь семьи родной.

Мой ангел будет грустной думой
Томиться меж других детей
И до конца с душой угрюмой
Взирать на ласки матерей;
Повсюду странник одинокий,
Предел неправедный кляня,
Услышит он упрек жестокий...
Прости, прости тогда меня.

Быть может, сирота унылый,
Узнаешь, обоймешь отца.
Увы! где он, предатель милый,
Мой незабвенный до конца?
Утешь тогда страдальца муки,
Скажи: «Ее на свете нет,
Лаура не снесла разлуки
И бросила пустынный свет».

Но что сказала я?.. быть может,
Виновную ты встретишь мать,
Твой скорбный взор меня встревожит!
Возможно ль сына не узнать?
Ах, если б рок неумолимый
Моею тронулся мольбой...
Но, может быть, пройдешь ты мимо,
Навек рассталась я с тобой.

Ты спишь — позволь себя, несчастный,
К груди прижать в последний раз.
Закон неправедный, ужасный
К страданью присуждает нас.

Пока лета не отогнали
Беспечной радости твоей,
Спи, милый! горькие печали
Не тронут детства тихих дней!»

Но вдруг за рощей осветила
Вблизи ей хижину луна...
С волненьем сына ухватила
И к ней приблизилась она;
Склонилась, тихо положила
Младенца на порог чужой,
Со страхом очи отвратила
И скрылась в темноте ночной.

1814

ЧЕРНАЯ ШАЛЬ

Молдавская песня

Гляжу как безумный на черную шаль,
И хладную душу терзает печаль.

Когда легковерен и молод я был,
Младую гречанку я страстно любил.

Прелестная дева ласкала меня,
Но скоро я дожил до черного дня.

Однажды я созвал веселых гостей;
Ко мне постучался презренный еврей.

«С тобою пируют (шепнул он) друзья;
Тебе ж изменила гречанка твоя».

Я дал ему злата и проклял его
И верного позвал раба моего.

Мы вышли; я мчался на быстром коне;
И кроткая жалость молчала во мне.

Едва я завидел гречанки порог,
Глаза потемнели, я весь изнемог...

В покой отдаленный вхожу я один...
Неверную деву лобзал армянин.

2 Зак. 424

Не взвидел я света; булат загремел...
Прервать поцелуя злодей не успел.

Безглавое тело я долго топтал
И молча на деву, бледнея, взирал.

Я помню моленья... текущую кровь...
Погибла гречанка, погибла любовь.

С главы ее мертвой сняв черную шаль,
Отер я безмолвно кровавую сталь.

Мой раб, как настала вечерняя мгла,
В дунайские волны их бросил тела.

С тех пор не целую прелестных очей,
С тех пор я не знаю веселых ночей.

Гляжу как безумный на черную шаль,
И хладную душу терзает печаль.

1820

УЗНИК

Сижу за решеткой в темнице сырой.
Вскормленный в неволе орел молодой,
Мой грустный товарищ, махая крылом,
Кровавую пищу клюет под окном,

Клюет, и бросает, и смотрит в окно,
Как будто со мною задумал одно;
Зовет меня взглядом и криком своим
И вымолвить хочет: «Давай улетим!

Мы вольные птицы; пора, брат, пора!
Туда, где за тучей белеет гора,
Туда, где синеют морские края,
Туда, где гуляем лишь ветер... да я!..»

1822

⟨ИЗ ПОЭМЫ «ЦЫГАНЫ»⟩

Старый муж, грозный муж,
Режь меня, жги меня:
Я тверда, не боюсь
Ни ножа, ни огня.

Ненавижу тебя,
Презираю тебя;
Я другого люблю,
Умираю любя.

Режь меня, жги меня;
Не скажу ничего;
Старый муж, грозный муж,
Не узнаешь его.

Он свежее весны,
Жарче летнего дня;
Как он молод и смел!
Как он любит меня!

Как ласкала его
Я в ночной тишине!
Как смеялись тогда
Мы твоей седине!

1824

ЗИМНИЙ ВЕЧЕР

**Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя;
То, как зверь, она завоет,
То заплачет, как дитя,
То по кровле обветшалой
Вдруг соломой зашумит,
То, как путник запоздалый,
К нам в окошко застучит.**

**Наша ветхая лачужка
И печальна и темна.
Что же ты, моя старушка,
Приумолкла у окна?
Или бури завываньем
Ты, мой друг, утомлена,
Или дремлешь под жужжаньем
Своего веретена?**

**Выпьем, добрая подружка
Бедной юности моей,
Выпьем с горя; где же кружка?
Сердцу будет веселей.
Спой мне песню, как синица
Тихо за морем жила;**

Спой мне песню, как девица
За водой поутру шла.

Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя;
То, как зверь, она завоет,
То заплачет, как дитя.
Выпьем, добрая подружка
Бедной юности моей,
Выпьем с горя; где же кружка?
Сердцу будет веселей.

1825

* * *

Ворон к ворону летит,
Ворон ворону кричит:
Ворон, где б нам отобедать?
Как бы нам о том проведать?

Ворон ворону в ответ:
Знаю, будет нам обед;
В чистом поле под ракитой
Богатырь лежит убитый.

Кем убит и отчего,
Знает сокол лишь его,
Да кобылка вороная,
Да хозяйка молодая.

Сокол в рощу улетел,
На кобылку недруг сел,
А хозяйка ждет милого
Не убитого, живого.

1828

А. А. ДЕЛЬВИГ

(1798—1831)

РУССКАЯ ПЕСНЯ

Ах ты, ночь ли,
    Ноченька!
Ах ты, ночь ли,
    Бурная!
Отчего ты
    С вечера
До глубокой
    Полночи
Не блистаешь
    Звездами,
Не сияешь
    Месяцем?
Все темнеешь
    Тучами?

И с тобой, знать,
    Ноченька,
Как со мною,
    Молодцем,
Грусть-злодейка
    Сведалась!
Как заляжет,
    Лютая,

Там глубоко
    На сердце —
Позабудешь
    Девицам
Усмехаться,
    Кланяться;
Позабудешь
    С вечера
До глубокой
    Полночи,
Припевая,
    Тешиться
Хороводной
    Пляскою!
Нет, взрыдаешь,
    Всплачешься,
И, безродный
    Молодец,
На постелю
    Жесткую,
Как в могилу,
    Кинешься!

1820 или 1821

РУССКАЯ ПЕСНЯ

Соловей мой, соловей,
Голосистый соловей!
Ты куда, куда летишь,
Где всю ночку пропоешь?
Кто-то бедная, как я,
Ночь прослушает тебя,
Не смыкаючи очей,
Утопаючи в слезах?
Ты лети, мой соловей,
Хоть за тридевять земель,
Хоть за синие моря,
На чужие берега;
Побывай во всех странах,
В деревнях и в городах:
Не найти тебе нигде
Горемышнее меня.
У меня ли у младой
Дорог жемчуг на груди,
У меня ли у младой
Жар-колечко на руке,
У меня ли у младой
В сердце миленький дружок.
В день осенний на груди
Крупный жемчуг потускнел,

В зимню ночку на руке
Распаялося кольцо,
А как нынешней весной
Разлюбил меня милой.

1825

* * *

Не осенний частый дождичек
Брызжет, брызжет сквозь туман:
Слезы горькие льет молодец
На свой бархатный кафтан.

«Полно, брат молодец!
Ты ведь не девица:
Пей, тоска пройдет;
Пей, пей, тоска пройдет!»

— «Не тоска, друзья-товарищи,
Грусть запала глубоко,
Дни веселия, дни радости
Отлетели далеко».

— «Полно, брат молодец!
Ты ведь не девица:
Пей, тоска пройдет;
Пей, пей, тоска пройдет!»

— «И как русский любит родину,
Так люблю я вспоминать
Дни веселия, дни радости,
Как пришлось мне горевать».

— «Полно, брат молодец!
Ты ведь не девица:
Пей, тоска пройдет;
Пей, пей, тоска пройдет!»

1829

К. Ф. РЫЛЕЕВ

(1795—1826)

СМЕРТЬ ЕРМАКА

П. А. Муханову

Ревела буря, дождь шумел,
Во мраке молнии летали,
Бесперерывно гром гремел,
И ветры в дебрях бушевали...
Ко славе страстию дыша,
В стране суровой и угрюмой,
На диком бреге Иртыша
Сидел Ермак, объятый думой.

Товарищи его трудов,
Побед и громозвучной славы
Среди раскинутых шатров
Беспечно спали близ дубравы.
«О, спите, спите, — мнил герой, —
Друзья, под бурею ревущей;
С рассветом глас раздастся мой,
На славу иль на смерть зовущий!

Вам нужен отдых; сладкий сон
И в бурю храбрых успокоит;
В мечтах напомнит славу он

И силы ратников удвоит.
Кто жизни не щадил своей
В разбоях, злато добывая,
Тот думать будет ли о ней,
За Русь святую погибая?

Своей и вражьей кровью смыв
Все преступленья буйной жизни
И за победы заслужив
Благословения отчизны, —
Нам смерть не может быть страшна;
Свое мы дело совершили:
Сибирь царю покорена,
И мы — не праздно в мире жили!»

Но роковой его удел
Уже сидел с героем рядом
И с сожалением глядел
На жертву любопытным взглядом.
Ревела буря, дождь шумел,
Во мраке молнии летали,
Бесперерывно гром гремел,
И ветры в дебрях бушевали.

Иртыш кипел в крутых брегах,
Вздымалися седые волны,
И рассыпались с ревом в прах,
Бия о брег козачьи челны.
С вождем покой в объятьях сна
Дружина храбрая вкушала;
С Кучумом буря лишь одна
На их погибель не дремала!

Страшась вступить с героем в бой,
Кучум к шатрам, как тать презренный,

Прокрался тайною тропой,
Татар толпами окруженный.
Мечи сверкнули в их руках —
И окровавилась долина,
И пала грозная в боях,
Не обнажив мечей, дружина...

Ермак воспрянул ото сна
И, гибель зря, стремится в волны,
Душа отвагою полна,
Но далеко от брега челны!
Иртыш волнуется сильней —
Ермак все силы напрягает
И мощною рукой своей
Валы седые рассекает...

Плывет... уж близко челнока —
Но сила року уступила,
И, закипев страшней, река
Героя с шумом поглотила.
Лишивши сил богатыря
Бороться с ярою волною,
Тяжелый панцирь — дар царя
Стал гибели его виною.

Ревела буря... вдруг луной
Иртыш кипящий осребрился,
И труп, извергнутый волной,
В броне медяной озарился.
Носились тучи, дождь шумел,
И молнии еще сверкали,
И гром вдали еще гремел,
И ветры в дебрях бушевали.

1821

К. Ф. РЫЛЕЕВ и А. А. БЕСТУЖЕВ-МАРЛИНСКИЙ*

* * *

Ах, тошно мне
И в родной стороне;
    Всё в неволе,
    В тяжкой доле,
Видно, век вековать.

Долго ль русский народ
Будет рухлядью господ,
    И людями,
    Как скотами,
Долго ль будут торговать?

Кто же нас кабалил,
Кто им барство присудил
    И над нами,
    Бедняками,
Будто с плетью посадил?

Глупость прежних крестьян
Стала воле в изъян,

* А. А. Бестужев-Марлинский родился в 1797 году, умер в 1837-м,

И свобода
У народа
Силой бар задушена.

А что силой отнято,
Силой выручим мы то.
И в приволье,
На раздолье
Стариною заживем.

А теперь господа
Грабят нас без стыда,
И обманом
Их карманом
Стала наша мошна.

Они кожу с нас дерут,
Мы посеем — они жнут.
Они воры,
Живодеры,
Как пиявки, кровь сосут.

Бара с земским судом
И с приходским попом
Нас морочат
И волочат
По дорогам да судам.

А уж правды нигде
Не ищи, мужик, в суде.
Без синюхи
Судьи глухи,
Без вины ты виноват.

Чтоб в палату дойти,
Прежде сторожу плати,
За бумагу,
За отвагу,
Ты за всё, про всё давай!

Там же каждая душа
Покривится из гроша.
Заседатель,
Председатель
Заодно с секретарем.

Нас поборами царь
Иссушил, как сухарь;
То дороги,
То налоги,
Разорили нас вконец.

И в деревне солдат,
Хоть и, кажется, наш брат,
В ус не дует
И воюет,
Как бы в вражеской земле.

А под царским орлом
Ядом потчуют с вином.
И народу
Лишь за воду
Велят вчетверо платить.

Чтобы нас наказать,
Господь вздумал ниспослать
Поселенье
В разоренье,
Православным на беду.

Уж так худо на Руси,
Что и боже упаси!
    Всех затеев
    Аракчеев
И всему тому виной.

Он царя подстрекнет,
Царь указ подмахнет.
    Ему шутка,
    А нам жутко,
Тошно так, что ой, ой, ой!

А до бога высоко,
До царя далеко,
    Да мы сами
    Ведь с усами,
Так мотай себе на ус.

1823 (?)

Ф. Н. ГЛИНКА

(1786—1880)

ТРОЙКА

(Русская песня)

Вот мчится *тройка* удалая
В Казань дорогой столбовой,
И колокольчик — дар Валдая —
Гудёт уныло под дугой.
Ямщик лихой — он встал с полночи —
Ему сгрустнулося в тиши,
И он запел про ясны очи,
Про очи девицы-души:
«Вы очи, очи голубые,
Вы сокрушили молодца;
Зачем, о люди, люди злые!
Вы их разрознили сердца?
Теперь я горький сиротина!» —
И вдруг махнул по всем по трем,
И *тройкой* тешился детина —
И заливался соловьем.

‹1825›, ‹1832›

⟨*ИЗ СТИХОТВОРЕНИЯ «ПЕСНЬ УЗНИКА*⟩

Не слышно шуму городского,
В заневских башнях тишина!
И на штыке у часового
Горит полночная луна!

А бедный юноша! ровесник
Младым цветущим деревам,
В глухой тюрьме заводит песни
И отдает тоску волнам!

«Прости, отчизна, край любезный!
Прости, мой дом, моя семья!
Здесь за решеткою железной —
Уже не свой вам больше я!

Не жди меня отец с невестой,
Снимай венчальное кольцо;
Застынь мое навеки место;
Не быть мне мужем и отцом!

Сосватал я себе неволю,
Мой жребий — слезы и тоска!
Но я молчу — такую долю
Взяла сама моя рука».

1826

И. И. КОЗЛОВ

(1779—1840)

ВЕЧЕРНИЙ ЗВОН

Т. С. Вдмрв-ой

Вечерний звон, вечерний звон!
Как много дум наводит он
О юных днях в краю родном,
Где я любил, где отчий дом,
И как я, с ним навек простясь,
Там слушал звон в последний раз!

Уже не зреть мне светлых дней
Весны обманчивой моей!
И сколько нет теперь в живых
Тогда веселых, молодых!
И крепок их могильный сон;
Не слышен им вечерний звон.

Лежать и мне в земле сырой!
Напев унывный надо мной
В долине ветер разнесет;
Другой певец по ней пройдет,
И уж не я, а будет он
В раздумье петь вечерний звон!

‹1827›

Н. М. ЯЗЫКОВ

(1803—1846)

ПЛОВЕЦ

Нелюдимо наше море,
День и ночь шумит оно;
В роковом его просторе
Много бед погребено.

Смело, братья! Ветром полный
Парус мой направил я:
Полетит на скользки волны
Быстрокрылая ладья!

Облака бегут над морем,
Крепнет ветер, зыбь черней;
Будет буря: мы поспорим
И помужествуем с ней.

Смело, братья! Туча грянет,
Закипит громада вод,
Выше вал сердитый встанет,
Глубже бездна упадет!

Там, за далью непогоды,
Есть блаженная страна:
Не темнеют неба своды,
Не проходит тишина.

Но туда выносят волны
Только сильного душой!..
Смело, братья, бурей полный
Прям и крепок парус мой.

1829

А. В. КОЛЬЦОВ

(1809—1842)

ПЕСНЯ СТАРИКА

Оседлаю коня,
Коня быстрого,
Я помчусь, полечу
Легче сокола.

Чрез поля, за моря,
В дальню сторону —
Догоню, ворочу
Мою молодость!

Приберусь и явлюсь
Прежним молодцем,
И приглянусь опять
Красным девицам!

Но, увы, нет дорог
К невозвратному!
Никогда не взойдет
Солнце с запада!

21 сентября 1830

НЕ ШУМИ ТЫ, РОЖЬ

Не шуми ты, рожь,
Спелым колосом!
Ты не пой, косарь,
Про широку степь!

Мне не для чего
Собирать добро,
Мне не для чего
Богатеть теперь!

Прочил молодец,
Прочил доброе
Не своей душе —
Душе-девице.

Сладко было мне
Глядеть в очи ей,
В очи, полные
Полюбовных дум!

И те ясные
Очи стухнули,
Спит могильным сном
Красна девица!

Тяжелей горы,
Темней полночи
Легла на сердце
Дума черная!

1834

ГОРЬКАЯ ДОЛЯ

Соловьем залетным
Юность пролетела,
Волной в непогоду
Радость прошумела.

Пора золотая
Была, да сокрылась;
Сила молодая
С телом износилась.

От кручины-думы
В сердце кровь застыла;
Что любил, как душу, —
И то изменило.

Как былинку, ветер
Молодца шатает;
Зима лицо знобит,
Солнце сожигает.

До поры, до время
Всем я весь изжился;
И кафтан мой синий
С плеч долой свалился!

Без любви, без счастья
По миру скитаюсь:
Разойдусь с бедою —
С горем повстречаюсь!

На крутой горе
Рос зеленый дуб,
Под горой теперь
Он лежит, гниет...

4 августа 1837

ПОСЛЕДНИЙ ПОЦЕЛУЙ

Обойми, поцелуй,
Приголубь, приласкай,
Еще раз — поскорей —
Поцелуй горячей.
Что печально глядишь?
Что на сердце таишь?
Не тоскуй, не горюй,
Из очей слез не лей;
Мне не надобно их,
Мне не нужно тоски...
Не на смерть я иду,
Не хоронишь меня.
На полгода всего
Мы расстаться должны;
Есть за Волгой село
На крутом берегу:
Там отец мой живет,
Там родимая мать
Сына в гости зовет;
Я поеду к отцу,
Поклонюся родной
И согласье возьму
Обвенчаться с тобой.
Мучит душу мою
Твой печальный убор,

Для чего ты в него
Нарядила себя?
Разрядись: уберись
В свой наряд голубой
И на плечи накинь
Шаль с каймой расписной;
Пусть пылает лицо,
Как поутру заря,
Пусть сияет любовь
На устах у тебя;
Как мне мило теперь
Любоваться тобой!
Как весна, хороша
Ты, невеста моя!
Обойми ж, поцелуй,
Приголубь, приласкай,
Еще раз — поскорей —
Поцелуй горячей!

12 апреля 1838

ХУТОРОК

За рекой, на горе,
Лес зеленый шумит;
Под горой, за рекой,
Хуторочек стоит.

В том лесу соловей
Громко песни поет;
Молодая вдова
В хуторочке живет.

В эту ночь-полуночь
Удалой молодец
Хотел быть, навестить
Молодую вдову...

На реке рыболов
Поздно рыбу ловил;
Погулять, ночевать
В хуторочек приплыл.

«Рыболов мой, душа!
Не ночуй у меня:
Свекор дома сидит, —
Он не любит тебя...

Не сердися, плыви
В свой рыбачий курень;
Завтра ж, друг мой, с тобой
Гулять рада весь день».

— «Сильный ветер подул...
А ночь будет темна!..
Лучше здесь, на реке,
Я просплю до утра».

Опознился купец
На дороге большой;
Он свернул ночевать
Ко вдове молодой.

«Милый купчик-душа!
Чем тебя мне принять...
Не топила избы,
Нету сена, овса.

Лучше к куму в село
Поскорее ступай;
Только завтра, смотри,
Погостить заезжай!»

— «До села далеко;
Конь устал мой совсем;
Есть свой корм у меня, —
Не печалься о нем.

Я вчера в городке
Долго был — все купил;
Вот подарок тебе,
Что давно посулил».

— «Не хочу я его!..
Боль головушку всю
Разломила насмерть;
Ступай к куму в село».

— «Эта боль — пустяки!..
Средство есть у меня:
Слова два — заживет
Вся головка твоя».

Засветился огонь,
Закурилась изба;
Для гостей дорогих
Стол готовит вдова.

За столом с рыбаком
Уж гуляет купец...
(А в окошко глядит
Удалой молодец)...

«Ты, рыбак, пей вино!
Мне с сестрой наливай!
Если мастер плясать —
Петь мы песни давай!

Я с людями люблю
По-приятельски жить;
Ваше дело — поймать,
Наше дело — купить...

Так со мною, прошу,
Без чинов — по рукам;
Одну басню твержу
Я всем добрым людям:

Горе есть — не горюй,
Дело есть — работай;
А под случай попал —
На здоровье гуляй!»

И пошел с рыбаком
Купец песни играть,
Молодую вдову
Обнимать, целовать.

Не стерпел удалой,
Загорелась душа!
И — как глазом моргнуть —
Растворилась изба...

И с тех пор в хуторке
Никого не живет;
Лишь один соловей
Громко песню поет...

5 сентября 1839

* * *

Что ты спишь, мужичок?
Ведь весна на дворе;
Ведь соседи твои
Работают давно.

Встань, проснись, подымись,
На себя погляди:
Что ты был? и что стал?
И что есть у тебя?

На гумне — ни снопа;
В закромах — ни зерна;
На дворе, по траве —
Хоть шаром покати.

Из клетей домовой
Сор метлою посмел;
И лошадок за долг
По соседям развел.

И под лавкой сундук
Опрокинут лежит;
И, погнувшись, изба,
Как старушка, стоит.

Вспомни время свое:
Как катилось оно
По полям и лугам
Золотою рекой!

Со двора и гумна
По дорожке большой
По селам, городам,
По торговым людям!

И как двери ему
Растворяли везде,
И в почетном угле
Было место твое!

А теперь под окном
Ты с нуждою сидишь
И весь день на печи
Без просыпу лежишь.

А в полях сиротой
Хлеб нескошен стоит.
Ветер точит зерно!
Птица клюет его!

Что ты спишь, мужичок?
Ведь уж лето прошло,
Ведь уж осень на двор
Через прясло глядит.

Вслед за нею зима
В теплой шубе идет,
Путь снежком порошит,
Под санями хрустит.

Все соседи на них
Хлеб везут, продают,
Собирают казну —
Бражку ковшиком пьют.

25 сентября 1839

РАЗЛУКА

На заре туманной юности
Всей душой любил я милую;
Был у ней в глазах небесный свет,
На лице горел любви огонь.

Что пред ней ты, утро майское,
Ты, дубрава-мать зеленая,
Степь-трава — парча шелковая,
Заря-вечер, ночь-волшебница!

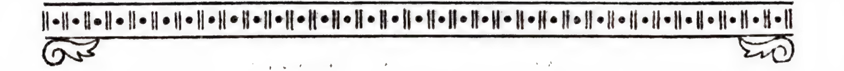
Хороши вы — когда нет ее,
Когда с вами делишь грусть свою,
А при ней вас — хоть бы не было;
С ней зима — весна, ночь — ясный день!

Не забыть мне, как в последний раз
Я сказал ей: «Прости, милая!
Так, знать, бог велел — расстанемся,
Но когда-нибудь увидимся...»

Вмиг огнем лицо всё вспыхнуло,
Белым снегом перекрылося, —
И рыдая, как безумная,
На груди моей повиснула.

«Не ходи, постой! дай время мне
Задушить грусть, печаль выплакать
На тебя, на ясна сокола...»
Занялся дух — слово замерло...

21 мая 1840

А. Ф. ВЕЛЬТМАН

(1800—1870)

⟨ИЗ ПОВЕСТИ В СТИХАХ «МУРОМСКИЕ ЛЕСА»⟩

Что отуманилась, зоренька ясная,
Пала на землю росой?
Что ты задумалась, девушка красная,
Очи блеснули слезой?

Жаль мне покинуть тебя, черноокую!
Певень ударил крылом,
Крикнул... Уж полночь!.. Дай чару глубокую,
Вспень поскорее вином!

Время! Веди мне коня ты любимого,
Крепче держи под уздцы!
Едут с товарами в путь из Касимова
Муромским лесом купцы!

Есть для тебя у них кофточка шитая,
Шубка на лисьем меху!
Будешь ходить ты вся златом облитая,
Спать на лебяжьем пуху!

Много за душу свою одинокую,
Много нарядов куплю!
Я ль виноват, что тебя, черноокую,
Больше, чем душу, люблю!

‹1831›

И. И. ЛАЖЕЧНИКОВ

(1792—1869)

⟨ИЗ РОМАНА «ПОСЛЕДНИЙ НОВИК»⟩

Сладко пел душа-соловушко
В зеленóм моем саду;
Много-много знал он песен,
Слаще не было одной.

Ах! та песнь была заветная,
Рвала белу грудь тоской;
А всё слушать бы хотелося,
Не расстался бы век с ней.

Вдруг подула с полуночи,
Будто на сердце легла,
Снеговая непогодушка
И мой садик занесла.

Со того ли со безвременья
Опустел зеленый сад;
Много пташек, много песен в нем,
Только милой не слыхать.

Слышите ль, мои подруженьки,
В зеленóм моем саду
Не поет ли мой соловушко
Песнь заветную свою?

«Где уж помнить перелетному, —
Мне подружки говорят, —
Песню, может быть, постылую
Для него в чужом краю?»

Нет, запел душа-соловушко
В чужой-дальней стороне;
Он всё горький сиротинушка,
Он всё тот же, что и был;

Не забыл он песнь заветную,
Всё про край родной поет,
Всё поет в тоске про милую,
С этой песней и умрет.

‹1831›

Н. Г. ЦЫГАНОВ

(1797?—1832)

* * *

«Что ты, соловьюшко,
Корму не клюешь?
Вешаешь головушку,
Песен не поешь?»

— «Пелося соловьюшку
В рощице весной...
Вешаю головушку
В клетке золотой!
На зеленой веточке
Весело я жил...
В золотой же клеточке
Буду век уныл!..»

— «Зеленой ли веточке
К песням приучать?
В золотой же клеточке
Соловью ль молчать?»

— «Зеленая веточка
Сердце веселит;
Золотая ж клеточка
Умереть велит!..

Подружка на веточке
    Тужит обо мне,
Стонут малы деточки...
    До пенья ли мне?»

— «Отперто окошечко
    К рощице твоей, —
Будь счастлив, мой крошечка,
    Улетай скорей!»

‹1832›

* * *

«Не шей ты мне, матушка,
    Красный сарафан,
Не входи, родимушка,
    Попусту в изъян!

Рано мою косыньку
    На две расплетать!
Прикажи мне русую
    В ленту убирать!

Пущай, не покрытая
    Шелковой фатой,
Очи молодецкие
    Веселит собой!

То ли житье девичье,
    Чтоб его менять,
Торопиться замужем
    Охать да вздыхать?

Золотая волюшка
    Мне милей всего!
Не хочу я с волюшкой
    В свете ничего!»

— «Дитя мое, дитятко,
Дочка милая!
Головка победная,
Неразумная!

Не век тебе пташечкой
Звонко распевать,
Легкокрылой бабочкой
По цветам порхать!

Заблекнут на щеченьках
Маковы цветы,
Прискучат забавушки —
Стоскуешься ты!

А мы и при старости
Себя веселим:
Младость вспоминаючи,
На детей глядим;

И я молодешенька
Была такова,
И мне те же в девушках
Пелися слова!»

* * *

Смолкни, пташка-канарейка!
Полно звонко распевать, —
Перестань ты мне, злодейка,
Ретивое надрывать!

Уж ко мне не воротиться
Красным дням весны моей, —
Отвыкает сердце биться,
Вспоминаючи об ней!

Радость-младость миновалась:
Отцвела она цветком,
И не вихорем промчалась —
Пропорхнула мотыльком!

С нею память о бывалом
Я хотел похоронить,
Не грустить по нем нимало —
Ни слезы не уронить.

Всё давно забыто было:
Звонкой песенкой своей
Всё ты снова разбудила,
Пташка, лютый мой злодей!

После ведрышка к непастью
Тяжеленько привыкать,
А несчастному об счастье
Хуже смерти вспоминать!

* * *

Что это за сердце,
Что это такое —
Что ни днем, ни ночью
Не дает покоя?

То забьется пташкой,
Запертою в клетке,
То замрет цветочком
На скошенной ветке!..

Быть бы сердцу пташкой —
Чего б захотело?..
Дать бы ему крылья —
Куда б полетело?

Знаю я сторонку,
Где его зазноба...
Ах, туда бы лётом
Полетели оба!..

На той на сторонке
Теплей солнце греет —
Там девица красна
Как маков цвет зреет!

Там в темные ночи
Не звезды лишь светят —
Там ясные очи
Приветливо встретят!

Приветливо встретят,
Ласково проводят...
Любезные речи
Тоски не наводят.

А. А. ШАХОВСКОЙ

(1777—1846)

⟨*ИЗ ДРАМЫ «ДВУМУЖНИЦА»*⟩

Вверх по Волге с Нижня города
Снаряжен стружок что стрела летит,
А на том стружке на снаряженном
Удалых гребцов сорок два сидит.
Да один из них призадумался,
Призадумался, пригорюнился.
Отчего же ты, добрый молодец,
Призадумался, пригорюнился?
«Я задумался о белóм лице,
Загорюнился о ясны́х очей:
Всё на ум идет красна девица,
Всё мерещится ненаглядная!
Аль за тем она на свет родилася
Лучше, краше солнца ясного,
Ненаглянее неба чистого,
Чтоб лишить меня света белого,
Положить во гроб прежде времени?
Я хотел бы позабыть о ней,
Рад-радехонек не любить ее —
Да нельзя мне позабыть о ней,
Невозможно не любить ее!
Если ж девица да не сжалится
Надо мною, горемыкою,

Так зачем же и на свете жить
Мне безродному, бесприютному!
Уж хоть вы, братцы-товарищи,
Докажите мне дружбу братскую:
Бросьте вы меня в Волгу-матушку,
Утопите грусть, печаль мою».

⟨1832⟩

П. А. ВЯЗЕМСКИЙ

(1792—1878)

ЕЩЕ ТРОЙКА

Тройка мчится, тройка скачет,
Вьется пыль из-под копыт,
Колокольчик звонко плачет
И хохочет и визжит.

По дороге голосисто
Раздается яркий звон,
То вдали отбрякнет чисто,
То застонет глухо он.

Словно леший ведьме вторит
И аукается с ней,
Иль русалка тараторит
В роще звучных камышей.

Русской степи, ночи темной
Поэтическая весть!
Много в ней и думы томной,
И раздолья много есть.

Прянул месяц из-за тучи,
Обогнул свое кольцо
И посыпал блеск зыбучий
Прямо путнику в лицо.

Кто сей путник? и отколе,
И далек ли путь ему?
По неволе иль по воле
Мчится он в ночную тьму?

На веселье иль кручину,
К ближним ли под кров родной,
Или в грустную чужбину
Он спешит, голубчик мой?

Сердце в нем ретиво рвется
В путь обратный или вдаль?
Встречи ль ждет он не дождется,
Иль покинутого жаль?

Ждет ли перстень обручальный?
Ждут ли путника пиры
Или факел погребальный
Над могилою сестры?

Как узнать? уж он далеко!
Месяц в облако нырнул,
И в пустой дали глубоко
Колокольчик уж заснул.

‹1834›

А. В. ТИМОФЕЕВ

(1812—1883)

СВАДЬБА

Нас венчали не в церкви,
Не в венцах, не с свечами;
Нам не пели ни гимнов,
Ни обрядов венчальных!
    Венчала нас полночь
    Средь мрачного бора;
    Свидетелем были
    Туманное небо
    Да тусклые звезды;
    Венчальные песни
    Пропел буйный ветер
    Да ворон зловещий;
    На страже стояли
    Утесы да бездны,
    Постель постилали
    Любовь да свобода!..

Мы не звали на праздник
Ни друзей, ни знакомых;
Посетили нас гости
По своей доброй воле!
    Всю ночь бушевали
    Гроза и непастье;

Всю ночь пировали
Земля с небесами.
Гостей угощали
Багровые тучи.
Леса и дубравы
Напились допьяна,
Столетние дубы
С похмелья свалились;
Гроза веселилась
До позднего утра.

Разбудил нас не свекор,
Не свекровь, не невестка,
Не неволюшка злая, —
Разбудило нас утро!
Восток заалелся
Стыдливым румянцем;
Земля отдыхала
От буйного пира;
Веселое солнце
Играло с росою;
Поля разрядились
В воскресное платье;
Леса зашумели
Заздравною речью;
Природа в восторге,
Вздохнув, улыбнулась...

21 февраля 1834

А. И. ПОЛЕЖАЕВ

(1805—1838)

САРАФАНЧИК

Мне наскучило, девице,
Одинешенькой в светлице
Шить узоры серебром!
И без матушки родимой
Сарафанчик мой любимый
Я надела вечерком —
Сарафанчик,
Расстеганчик!

В разноцветном хороводе
Я играла на свободе
И смеялась, как дитя!
И в светлицу до рассвета
Воротилась; только где-то
Разорвала я, шутя,
Сарафанчик,
Расстеганчик!

Долго мать меня журила
И до свадьбы запретила
Выходить за ворота;

Но за сладкие мгновенья
Я тебя без сожаленья
    Оставляю навсегда,
    Сарафанчик,
    Расстеганчик!

1834

А. П. СРЕБРЯНСКИЙ

(1810—1838)

ВИНО

Быстры, как волны, дни нашей жизни,
Что час, то короче к могиле наш путь.

Напеним янтарной струею бокалы!
И краток и дорог веселый наш миг.

Будущность тёмна, как осени ночи,
Прошедшее гибнет для нас навсегда;

Ловите ж минуты текущего быстро,
Как знать, что осталось для нас впереди?

Умрешь — похоронят, как не был на свете;
Сгниешь — не восстанешь к беседе друзей.

Полнее ж, полнее забвения чашу!
И краток и дорог веселый наш миг.

Начало 1830-х годов

М. Ю. ЛЕРМОНТОВ

(1814—1841)

БОРОДИНО

«Скажи-ка, дядя, ведь недаром
Москва, спаленная пожаром,
    Французу отдана?
Ведь были ж схватки боевые,
Да, говорят, еще какие!
Недаром помнит вся Россия
    Про день Бородина!»

— «Да, были люди в наше время,
Не то, что нынешнее племя:
    Богатыри — не вы!
Плохая им досталась доля:
Немногие вернулись с поля...
Не будь на то господня воля,
    Не отдали б Москвы!

Мы долго молча отступали,
Досадно было, боя ждали,
    Ворчали старики:
«Что ж мы? на зимние квартиры?
Не смеют, что ли, командиры
Чужие изорвать мундиры
    О русские штыки?»

И вот нашли большое поле:
Есть разгуляться где на воле!
    Построили редут.
У наших ушки на макушке!
Чуть утро осветило пушки
И леса синие верхушки —
    Французы тут как тут.

Забил заряд я в пушку туго
И думал: угощу я друга!
    Постой-ка, брат мусью!
Что тут хитрить, пожалуй к бою;
Уж мы пойдем ломить стеною,
Уж постоим мы головою
    За родину свою!

Два дня мы были в перестрелке.
Что толку в этакой безделке?
    Мы ждали третий день.
Повсюду стали слышны речи:
«Пора добраться до картечи!»
И вот на поле грозной сечи
    Ночная пала тень.

Прилег вздремнуть я у лафета,
И слышно было до рассвета,
    Как ликовал француз.
Но тих был наш бивак открытый:
Кто кивер чистил весь избитый,
Кто штык точил, ворча сердито,
    Кусая длинный ус.

И только небо засветилось,
Всё шумно вдруг зашевелилось,
    Сверкнул за строем строй.

Полковник наш рожден был хватом:
Слуга царю, отец солдатам...
Да, жаль его: сражен булатом,
Он спит в земле сырой.

И молвил он, сверкнув очами:
«Ребята! не Москва ль за нами?
Умремте ж под Москвой,
Как наши братья умирали!»
И умереть мы обещали,
И клятву верности сдержали
Мы в Бородинский бой.

Ну ж был денек! Сквозь дым летучий
Французы двинулись, как тучи,
И всё на наш редут.
Уланы с пестрыми значками,
Драгуны с конскими хвостами,
Все промелькнули перед нами,
Все побывали тут.

Вам не видать таких сражений!..
Носились знамена, как тени,
В дыму огонь блестел,
Звучал булат, картечь визжала,
Рука бойцов колоть устала,
И ядрам пролетать мешала
Гора кровавых тел.

Изведал враг в тот день немало,
Что значит русский бой удалый,
Наш рукопашный бой!..
Земля тряслась — как наши груди;
Смешались в кучу кони, люди,
И залпы тысячи орудий
Слились в протяжный вой...

Вот смерклось. Были все готовы
Заутра бой затеять новый
    И до конца стоять...
Вот затрещали барабаны —
И отступили басурманы.
Тогда считать мы стали раны,
    Товарищей считать.

Да, были люди в наше время,
Могучее, лихое племя:
    Богатыри — не вы.
Плохая им досталась доля:
Немногие вернулись с поля.
Когда б на то не божья воля,
    Не отдали б Москвы!»

1837

УЗНИК

Отворите мне темницу,
Дайте мне сиянье дня,
Черноглазую девицу,
Черногривого коня.
Я красавицу младую
Прежде сладко поцелую,
На коня потом вскочу,
В степь, как ветер, улечу.

Но окно тюрьмы высоко,
Дверь тяжелая с замком;
Черноокая далеко,
В пышном тереме своем;
Добрый конь в зеленом поле
Без узды, один, по воле
Скачет весел и игрив,
Хвост по ветру распустив.

Одинок я — нет отрады:
Стены голые кругом,
Тускло светит луч лампады
Умирающим огнем;
Только слышно: за дверями
Звучно-мерными шагами
Ходит в тишине ночной
Безответный часовой.

Февраль 1837

⟨Из стихотворения «Воздушный корабль»
(Из Цедлица)⟩

По синим волнам океана,
Лишь звезды блеснут в небесах,
Корабль одинокий несется,
Несется на всех парусах.

Не гнутся высокие мачты,
На них флюгера не шумят,
И молча в открытые люки
Чугунные пушки глядят.

Не слышно на нем капитана,
Не видно матросов на нем;
Но скалы, и тайные мели,
И бури ему нипочем.

Есть остров на том океане —
Пустынный и мрачный гранит;
На острове том есть могила,
А в ней император зарыт.

Зарыт он без почестей бранных
Врагами в сыпучий песок,
Лежит на нем камень тяжелый,
Чтоб встать он из гроба не мог.

И в час его грустной кончины,
В полночь, как свершается год,
К высокому берегу тихо
Воздушный корабль пристает.

Из гроба тогда император,
Очнувшись, является вдруг;
На нем треугольная шляпа
И серый походный сюртук.

Скрестивши могучие руки,
Главу опустивши на грудь,
Идет и к рулю он садится
И быстро пускается в путь.

Несется он к Франции милой,
Где славу оставил и трон,
Оставил наследника-сына
И старую гвардию он.

И только что землю родную
Завидит во мраке ночном,
Опять его сердце трепещет
И очи пылают огнем.

На берег большими шагами
Он смело и прямо идет,
Соратников громко он кличет
И маршалов грозно зовет.

Но спят усачи-гренадеры —
В равнине, где Эльба шумит,
Под снегом холодной России,
Под знойным песком пирамид.

Март 1840

КАЗАЧЬЯ КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСНЯ

Спи, младенец мой прекрасный,
Баюшки-баю.
Тихо смотрит месяц ясный
В колыбель твою.
Стану сказывать я сказки,
Песенку спою;
Ты ж дремли, закрывши глазки,
Баюшки-баю.

По камням струится Терек,
Плещет мутный вал;
Злой чечен ползет на берег,
Точит свой кинжал;
Но отец твой старый воин,
Закален в бою.
Спи, малютка, будь спокоен,
Баюшки-баю.

Сам узнаешь, будет время,
Бранное житье;
Смело вденешь ногу в стремя
И возьмешь ружье.
Я седельце боевое
Шелком разошью...
Спи, дитя мое родное,
Баюшки-баю.

Богатырь ты будешь с виду
    И казак душой.
Провожать тебя я выйду —
    Ты махнешь рукой...
Сколько горьких слез украдкой
    Я в ту ночь пролью!..
Спи, мой ангел, тихо, сладко,
    Баюшки-баю.

Стану я тоской томиться,
    Безутешно ждать;
Стану целый день молиться,
    По ночам гадать;
Стану думать, что скучаешь
    Ты в чужом краю...
Спи ж, пока забот не знаешь,
    Баюшки-баю.

Дам тебе я на дорогу
    Образок святой:
Ты его, моляся богу,
    Ставь перед собой;
Да, готовясь в бой опасный,
    Помни мать свою...
Спи, младенец мой прекрасный,
    Баюшки-баю.

1840

ТАМАРА

В глубокой теснине Дарьяла,
Где роется Терек во мгле,
Старинная башня стояла,
Чернея на черной скале.

В той башне высокой и тесной
Царица Тамара жила:
Прекрасна, как ангел небесный,
Как демон, коварна и зла.

И там сквозь туман полуночи
Блистал огонек золотой,
Кидался он путнику в очи,
Манил он на отдых ночной.

И слышался голос Тамары:
Он весь был желанье и страсть,
В нем были всесильные чары,
Была непонятная власть.

На голос невидимой пери
Шел воин, купец и пастух;
Пред ним отворялися двери,
Встречал его мрачный евнух.

На мягкой пуховой постели,
В парчу и жемчуг убрана,
Ждала она гостя... Шипели
Пред нею два кубка вина.

Сплетались горячие руки,
Уста прилипали к устам,
И странные, дикие звуки
Всю ночь раздавалися там.

Как будто в ту башню пустую
Сто юношей пылких и жен
Сошлися на свадьбу ночную,
На тризну больших похорон.

Но только что утра сиянье
Кидало свой луч по горам,
Мгновенно и мрак и молчанье
Опять воцарялися там.

Лишь Терек в теснине Дарьяла,
Гремя, нарушал тишину;
Волна на волну набегала,
Волна погоняла волну;

И с плачем безгласное тело
Спешили они унести;
В окне тогда что-то белело,
Звучало оттуда: прости.

И было так нежно прощанье,
Так сладко тот голос звучал,
Как будто восторги свиданья
И ласки любви обещал.

1841

* * *

Выхожу один я на дорогу;
Сквозь туман кремнистый путь блестит;
Ночь тиха. Пустыня внемлет богу,
И звезда с звездою говорит.

В небесах торжественно и чудно!
Спит земля в сияньи голубом...
Что же мне так больно и так трудно?
Жду ль чего? жалею ли о чем?

Уж не жду от жизни ничего я,
И не жаль мне прошлого ничуть;
Я ищу свободы и покоя!
Я б хотел забыться и заснуть!

Но не тем холодным сном могилы...
Я б желал навеки так заснуть,
Чтоб в груди дремали жизни силы,
Чтоб, дыша, вздымалась тихо грудь;

Чтоб всю ночь, весь день мой слух лелея,
Про любовь мне сладкий голос пел,
Надо мной чтоб, вечно зеленея,
Темный дуб склонялся и шумел.

1841

Е. П. ГРЕБЕНКА

(1812—1848)

КАЗАК НА ЧУЖБИНЕ

(Украинская мелодия)

Поехал далёко казак на чужбину
    На добром коне вороном.
Свою он Украйну навеки покинул,
Ему не вернуться в отеческий дом!
Напрасно казачка его молодая
И утро и вечер на север глядит,
Всё ждет да пождет, из полночного края
    К ней милый когда прилетит.
Далёко, откуда к нам веют метели,
    Где страшно морозы трещат,
Где сдвинулись дружно и сосны и ели,
    Казацкие кости лежат.
Казак и просил, и молил, умирая,
    Насыпать курган в головах:
«Пускай на кургане калина родная
    Красуется в ярких плодах.
Пусть вольные птицы, садясь на калине,
    Порой прощебечут и мне,
Мне, бедному, весть на холодной чужбине
    О милой, родной стороне!»

1837

ПЕСНЯ

Молода еще девица я была,
Наша армия в поход куда-то шла.
Вечерело. Я стояла у ворот —
А по улице все конница идет.
К воротáм подъехал барин молодой,
Мне сказал: «Напой, красавица, водой!»
Он напился, крепко руку мне пожал,
Наклонился и меня поцеловал...
Он уехал... Долго я смотрела вслед, —
Жарко стало мне, в очах мутился свет,
Целу ноченьку мне спать было невмочь:
Раскрасавец барин снился мне всю ночь.

Вот недавно — я вдовой уже была,
Четырех уж дочек замуж отдала —
К нам заехал на квартиру генерал...
Весь простреленный, так жалобно стонал...
Я взглянула — встрепенулася душой:
Это он, красавец барин молодой;
Тот же голос, тот огонь в его глазах,
Только много седины в его кудрях.
И опять я целу ночку не спала,
Целу ночку молодой опять была.

1841

ЧЕРНЫЕ ОЧИ

Очи черные, очи страстные!
Очи жгучие и прекрасные!
Как люблю я вас! Как боюсь я вас!
Знать, увидел вас я в недобрый час!

Ох, недаром вы глубины темней!
Вижу траур в вас по душе моей,
Вижу пламя в вас я победное:
Сожжено на нем сердце бедное.

Но не грустен я, не печален я,
Утешительна мне судьба моя:
Всё, что лучшего в жизни бог дал нам,
В жертву отдал я огневым глазам.

1843

Н. АНОРДИСТ*

ТРОЙКА

Гремит звонок, и тройка мчится,
За нею пыль, виясь столбом;
Вечерний звон помалу длится,
Безмолвье мертвое кругом!

Вот на пути село большое, —
Туда ямщик мой поглядел;
Его забилось ретивое,
И потихоньку он запел:

«Твоя краса меня прельстила,
Теперь мне целый свет постыл;
Зачем, зачем приворожила,
Коль я душе твоей немил!

Кажись, мне песнью удалою
Недолго тешить ездока,
Быть может, скоро под землею
Сокроют тело ямщика!

---

* Фамилия или псевдоним издателя «Альманаха на 1840 год», в котором появилась «Тройка». Считается автором стихотворения.

По мне лошадушки сгрустятся,
Расставшись, борзые, со мной,
Они уж больше не помчатся
Вдаль по дорожке столбовой!

И ты, девица молодая,
Быть может, тяжко воздохнешь;
Кладбище часто посещая,
К моей могилке подойдешь?

В тоске, в кручинушке сердечной,
Лицо к сырой земле склоня,
Промолвишь мне: „В разлуке вечной —
С тобой красавица твоя!"»

В глазах тут слезы показались,
Но их бедняк не отирал;
Пока до места не домчались,
Он волю полную им дал.

Уж, говорят, его не стало,
Девица бедная в тоске;
Она безвременно увяла,
Грустя по бедном ямщике!

(1840)

И. С. ТУРГЕНЕВ

(1818—1883)

БАЛЛАДА

Перед воеводой молча он стоит;
Голову потупил — сумрачно глядит.

С плеч могучих сняли бархатный кафтан;
Кровь струится тихо из широких ран.

Скован по ногам он, скован по рукам:
Знать, ему не рыскать ночью по лесам!

Думает он думу — дышит тяжело:
Плохо!.. видно, время доброе прошло.

«Что, попался, парень? Долго ж ты гулял!
Долго мне в тенета волк не забегал!

Что же приумолк ты? Слышал я не раз —
Песенки ты мастер петь в веселый час;

Ты на лад сегодня вряд ли попадешь...
Завтра мы услышим, как ты запоешь».

Взговорил он мрачно: «Не услышишь, нет!
Завтра петь не буду — завтра мне не след;

Завтра умирать мне смертию лихой;
Сам ты запоешь, чай, с радости такой!..

Мы певали песни, как из леса шли —
Как купцов с товаром мы в овраг вели...

Ты б нас тут послушал — ладно пели мы;
Да недолго песней тешились купцы...

Да еще певал я — в домике твоем;
Запивал я песни — всё твоим вином;

Заедал я чарку — барскою едой;
Целовался сладко — да с твоей женой».

‹1841›

В ДОРОГЕ

Утро туманное, утро седое,
Нивы печальные, снегом покрытые...
Нехотя вспомнишь и время былое,
Вспомнишь и лица, давно позабытые.

Вспомнишь обильные страстные речи,
Взгляды, так жадно, так робко ловимые,
Первые встречи, последние встречи,
Тихого голоса звуки любимые.

Вспомнишь разлуку с улыбкою странной,
Многое вспомнишь родное далекое,
Слушая ропот колес непрестанный,
Глядя задумчиво в небо широкое.

Ноябрь 1843

И. П. МЯТЛЕВ

(1796—1844)

ФОНАРИКИ

Фонарики, сударики,
Скажите-ка вы мне,
Что видели, что слышали
В ночной вы тишине?
Так чинно вы расставлены
По улицам у нас;
Ночные караульщики,
Ваш верен зоркий глаз!

Вы видели ль, приметили ль,
Как девушка одна,
На цыпочках, тихохонько
И робости полна,
Близ стенки пробирается,
Чтоб друга увидать
И шепотом, украдкою
«Люблю» ему сказать?

Фонарики, сударики,
Горят себе, горят,
А видели ль, не видели ль —
Того не говорят.

Вы видели ль, как юноша
Нетерпеливо ждет,
Как сердцем, взором, мыслию
Красавицу зовет?..
И вот они встречаются —
И радость и любовь;
И вот они назначили
Свиданье завтра вновь.

Фонарики, сударики,
Горят себе, горят,
А видели ль, не видели ль —
Того не говорят.

Вы видели ль несчастную,
Убитую тоской,
Как будто тень бродящую,
Как призрак гробовой,
Ту женщину безумную...
Заплаканы глаза:
Ее все жизни радости
Разрушила гроза.

Фонарики, сударики,
Горят себе, горят,
А видели ль, не видели ль —
Того не говорят.

Вы видели ль преступника,
Как, в горести немой,
От совести убежища
Он ищет в час ночной?
Вы видели ль веселого
Гуляку, в сюртуке

Оборванном, запачканном,
С бутылкою в руке?

Фонарики, сударики,
Горят себе, горят,
А видели ль, не видели ль —
Того не говорят.

Вы видели ль сиротушку,
Прижавшись в уголок,
Как просит у прохожего,
Чтоб бедной ей помог;
Как горемычной холодно,
Как страшно в темноте!
Ужель никто не сжалится
И гибнуть сироте?

Фонарики, сударики,
Горят себе, горят,
А видели ль, не видели ль —
Того не говорят.

Вы видели ль мечтателя,
Поэта, в час ночной?
За рифмой своенравною
Гоняясь как шальной,
Он хочет муку тайную
И неба благодать
Толпе, ему внимающей,
Звучнее передать.

Фонарики, сударики,
Горят себе, горят,
А видели ль, не видели ль —
Того не говорят.

Быть может, не приметили...
Да им и дела нет;
Гореть им только велено,
Покуда будет свет.
Окутанный рогожею,
Фонарщик их зажег;
Но чувства прозорливости
Им передать не мог!

Фонарики, сударики
Народ всё деловой:
Чиновники, сановники —
Всё люди с головой!
Они на то поставлены,
Чтоб видел их народ,
Чтоб величались, славились,
Но только без хлопот.

Им, дескать, не приказано
Вокруг себя смотреть;
Одна у них обязанность:
Стоять тут и гореть,
Да и гореть, покудова
Кто не задует их!..
Так что же и тревожиться
О горестях людских!

Фонарики, сударики
Народ всё деловой:
Чиновники, сановники —
Всё люди с головой!

8 ноября 1841

Н. Ф. ЩЕРБИНА

(1821—1869)

ПОСЛЕ БИТВЫ

Не слышно на палубах песен,
Эгейские волны шумят...
Нам берег и душен, и тесен;
Суровые стражи не спят.

Раскинулось небо широко,
Теряются волны вдали...
Отсюда уйдем мы далёко,
Подальше от грешной земли!

Не правда ль, ты много страдала?..
Минуту свиданья лови...
Ты долго меня ожидала,
Приплыл я на голос любви.

Спалив бригантину султана,
Я в море врагов утопил,
И к милой с турецкою раной,
Как с лучшим подарком, приплыл.

‹1843›

В. И. ТУМАНСКИЙ

(1800—1860)

ПЕСНЯ

(Посвящена А. О. Смирновой)

Любил я очи голубые,
Теперь влюбился в черные.
Те были нежные такие,
А эти непокорные.

Глядеть, бывало, не устанут
Те долго, выразительно;
А эти не глядят; а взглянут —
Так словно царь властительный.

На тех порой сверкали слезы,
Любви немые жалобы,
А тут не слезы, а угрозы,
А то и слез не стало бы.

Те укрощали жизни волны,
Светили мирным счастием,
А эти бурных молний полны
И дышат самовластием.

Но увлекательно, как младость,
Их юное могущество,
О! я б за них дал славу, радость
И все души имущество.

Любил я очи голубые,
    Теперь влюбился в черные,
Хоть эти сердцу не родные,
    Хоть эти непокорные.

Начало 1840-х годов

А. Н. ПЛЕЩЕЕВ

(1825—1893)

* * *

Вперед! без страха и сомненья
На подвиг доблестный, друзья!
Зарю святого искупленья
Уж в небесах завидел я!

Смелей! Дадим друг другу руки
И вместе двинемся вперед.
И пусть под знаменем науки
Союз наш крепнет и растет.

Жрецов греха и лжи мы будем
Глаголом истины карать,
И спящих мы от сна разбудим,
И поведем на битву рать!

Не сотворим себе кумира
Ни на земле, ни в небесах;
За все дары и блага мира
Мы не падем пред ним во прах!..

Провозглашать любви ученье
Мы будем нищим, богачам,
И за него снесем гоненье,
Простив безумным палачам!

Блажен, кто жизнь в борьбе кровавой,
В заботах тяжких истощил;
Как раб ленивый и лукавый,
Талант свой в землю не зарыл!

Пусть нам звездою путеводной
Святая истина горит;
И верьте, голос благородный
Недаром в мире прозвучит!

Внемлите ж, братья, слову брата,
Пока мы полны юных сил:
Вперед, вперед, и без возврата,
Что б рок вдали нам ни сулил!

⟨1846⟩

Н. А. НЕКРАСОВ

(1821—1877)

ТРОЙКА

Что ты жадно глядишь на дорогу
В стороне от веселых подруг?
Знать, забило сердечко тревогу —
Все лицо твое вспыхнуло вдруг.

И зачем ты бежишь торопливо
За промчавшейся тройкой вослед?..
На тебя, подбоченясь красиво,
Загляделся проезжий корнет.

На тебя заглядеться не диво,
Полюбить тебя всякий не прочь:
Вьется алая лента игриво
В волосах твоих, черных как ночь;

Сквозь румянец щеки твоей смуглой
Пробивается легкий пушок,
Из-под брови твоей полукруглой
Смотрит бойко лукавый глазок.

Взгляд один чернобровой дикарки,
Полный чар, зажигающих кровь,
Старика разорит на подарки,
В сердце юноши кинет любовь.

Поживешь и попразднуешь вволю,
Будет жизнь и полна и легка...
Да не то тебе пало на долю:
За неряху пойдешь мужика.

Завязавши под мышки передник,
Перетянешь уродливо грудь,
Будет бить тебя муж-привередник
И свекровь в три погибели гнуть.

От работы и черной и трудной
Отцветешь, не успевши расцвесть,
Погрузишься ты в сон непробудный,
Будешь нянчить, работать и есть.

И в лице твоем, полном движенья,
Полном жизни, — появится вдруг
Выраженье тупого терпенья
И бессмысленный, вечный испуг.

И схоронят в сырую могилу,
Как пройдешь ты тяжелый свой путь,
Бесполезно угасшую силу
И ничем не согретую грудь.

Не гляди же с тоской на дорогу
И за тройкой вослед не спеши,
И тоскливую в сердце тревогу
Поскорей навсегда заглуши!

Не нагнать тебе бешеной тройки:
Кони крепки, и сыты, и бойки, —
И ямщик под хмельком, и к другой
Мчится вихрем корнет молодой...

1846

НЕСЖАТАЯ ПОЛОСА

Поздняя осень. Грачи улетели,
Лес обнажился, поля опустели,

Только не сжата полоска одна...
Грустную думу наводит она.

Кажется, шепчут колосья друг другу:
«Скучно нам слушать осеннюю вьюгу,

Скучно склоняться до самой земли,
Тучные зерна купая в пыли!

Нас, что ни ночь, разоряют станицы
Всякой пролетной прожорливой птицы,

Заяц нас топчет и буря нас бьет...
Где же наш пахарь? чего еще ждет?

Или мы хуже других уродились?
Или не дружно цвели-колосились?

Нет! мы не хуже других — и давно
В нас налилось и созрело зерно.

Не для того же пахал он и сеял,
Чтобы нас ветер осенний развеял?»

Ветер несет им печальный ответ:
«Вашему пахарю моченьки нет.

Знал, для чего и пахал он и сеял,
Да не по силам работу затеял.

Плохо бедняге — не ест и не пьет,
Червь ему сердце больное сосет,

Руки, что вывели борозды эти,
Высохли в щепку, повисли как плети,

Очи потускли, и голос пропал,
Что заунывную песню певал,

Как, на соху налегая рукою,
Пахарь задумчиво шел полосою».

1854

⟨ИЗ СТИХОТВОРЕНИЯ «РАЗМЫШЛЕНИЯ У ПАРАДНОГО ПОДЪЕЗДА»⟩

Назови мне такую обитель,
Я такого угла не видал,
Где бы сеятель твой и хранитель,
Где бы русский мужик не стонал?
Стонет он по полям, по дорогам,
Стонет он по тюрьмам, по острогам,
В рудниках, на железной цепи;
Стонет он под овином, под стогом,
Под телегой, ночуя в степи;
Стонет в собственном бедном домишке,
Свету божьего солнца не рад;
Стонет в каждом глухом городишке,
У подъезда судов и палат.
Выдь на Волгу: чей стон раздается
Над великою русской рекой?
Этот стон у нас песней зовется —
То бурла́ки идут бечевой!..
Волга! Волга!.. Весной многоводной
Ты не так заливаешь поля,
Как великою скорбью народной
Переполнилась наша земля.

1858

⟨*ИЗ ПОЭМЫ «КОРОБЕЙНИКИ»*⟩

1

«Ой, полна, полна коробушка,
Есть и ситцы и парча.
Пожалей, моя зазнобушка,
Молодецкого плеча!
Выди, выди в рожь высокую!
Там до ночки погожу,
А завижу черноокую —
Все товары разложу.
Цены сам платил немалые,
Не торгуйся, не скупись:
Подставляй-ка губы алые,
Ближе к милому садись!»

Вот и пала ночь туманная,
Ждет удалый молодец.
Чу, идет! — пришла желанная,
Продает товар купец.
Катя бережно торгуется,
Всё боится передать.
Парень с девицей целуется,
Просит цену набавлять.
Знает только ночь глубокая,
Как поладили они.
Распрямись ты, рожь высокая,
Тайну свято сохрани!

«Ой, легка, легка коробушка,
Плеч не режет ремешок!
А всего взяла зазнобушка
Бирюзовый перстенек.
Дал ей ситцу штуку целую,
Ленту алую для кос,
Поясок — рубаху белую
Подпоясать в сенокос, —
Всё поклала ненаглядная
В короб, кроме перстенька:
„Не хочу ходить нарядная
Без сердечного дружка!“...»

2

Хорошо было детинушке
Сыпать ласковы слова,
Да трудненько Катеринушке
Парня ждать до Покрова.
Часто в ночку одинокую
Девка часу не спала,
А как жала рожь высокую,
Слезы в три ручья лила!
Извелась бы неутешная,
Кабы время горевать,
Да пора страдная, спешная —
Надо десять дел кончать.
Как ни часто приходилося
Молодице невтерпеж,
Под косой трава валилася,
Под серпом горела рожь.
Изо всей-то силы-моченьки
Молотила по утрам,
Лен стлала до темной ноченьки

По росистым по лугам.
Стелет лен, а неотвязная
Дума на сердце лежит:
«Как другая девка красная
Молодца приворожит?
Как изменит? как засватает
На чужой на стороне?»
И у девки сердце падает:
«Ты женись, женись на мне!
Ни тебе, ни свекру-батюшке
Николи не согрублю,
От свекрови, твоей матушки,
Слово всякое стерплю.
Не дворянка, не купчиха я,
Да и нравом-то смирна,
Буду я невестка тихая,
Работящая жена.
Ты не нудь себя работою,
Силы мне не занимать,
Я за милого с охотою
Буду пашенку пахать.
Ты живи себе гулючи
За работницей женой,
По базарам разъезжаючи,
Веселися, песни пой!
А вернешься с торгу пьяненький —
Накормлю и уложу!
„Спи, пригожий, спи, румяненький!“ —
Больше слова не скажу.
Видит бог, не осердилась бы!
Обрядила бы коня
Да к тебе и подвалилась бы:
„Поцелуй, дружок, меня!..“»
Думы девичьи заветные,

Где вас все-то угадать?
Легче камни самоцветные
На дне моря сосчитать.

1861

⟨ИЗ СТИХОТВОРЕНИЯ «ПОХОРОНЫ»⟩

Меж высоких хлебов затерялося
Небогатое наше село.
Горе горькое по свету шлялося
И на нас невзначай набрело.

Ой, беда приключилася страшная!
Мы такой не знавали вовек:
Как у нас — голова бесшабашная —
Застрелился чужой человек!

Суд приехал... допросы... — тошнехонько!
Догадались деньжонок собрать:
Осмотрел его лекарь скорехонько
И велел где-нибудь закопать.

И пришлось нам нежданно-негаданно
Хоронить молодого стрелка,
Без церковного пенья, без ладана,
Без всего, чем могила крепка...

Без попов!.. Только солнышко знойное,
Вместо ярого воску свечи,
На лицо непробудно-спокойное,
Не скупясь, наводило лучи;

Да высокая рожь колыхалася,
Да пестрели в долине цветы;
Птичка божья на гроб опускалася
И, чирикнув, летела в кусты.

1861

* * *

В полном разгаре страда деревенская...
Доля ты! — русская долюшка женская!
Вряд ли труднее сыскать.

Не мудрено, что ты вянешь до времени,
Всевыносящего русского племени
Многострадальная мать!

Зной нестерпимый: равнина безлесная,
Нивы, покосы да ширь поднебесная —
Солнце нещадно палит.

Бедная баба из сил выбивается,
Столб насекомых над ней колыхается,
Жалит, щекочет, жужжит!

Приподнимая косулю тяжелую,
Баба порезала ноженьку голую —
Некогда кровь унимать!

Слышится крик у соседней полосыньки,
Баба туда — растрепалися косыньки, —
Надо ребенка качать!

Что же ты стала над ним в отупении?
Пой ему песню о вечном терпении,
    Пой, терпеливая мать!..

Слезы ли, пот ли у ней над ресницею —
    Право, сказать мудрено.
В жбан этот, заткнутый грязной тряпицею,
    Канут они — всё равно!

Вот она губы свои опаленные
    Жадно подносит к краям...
Вкусны ли, милая, слезы соленые
    С кислым кваском пополам?..

Начало 1863

КАТЕРИНА

Вянет, пропадает красота моя!
От лихого мужа нет в дому житья.

Пьяный всё колотит, трезвый всё ворчит,
Сам что ни попало из дому тащит!

Не того ждала я, как я шла к венцу!
К брату я ходила, плакалась отцу,

Плакалась соседям, плакалась родной,
Люди не жалеют — ни чужой, ни свой!

«Потерпи, родная, — старики твердят, —
Милого побои не долго болят!»

«Потерпи, сестрица! — отвечает брат. —
Милого побои не долго болят!»

«Потерпи! — соседи хором говорят. —
Милого побои не долго болят!»

Есть солдатик — Федя, дальняя родня,
Он один жалеет, любит он меня;

Подмигну я Феде, — с Федей мы вдвоем
Далеко хлебами за село уйдем.

Всю открою душу, выплачу печаль,
Всё отдам я Феде — всё, чего не жаль!

«Где ты пропадала?» — спросит муженек.
«Где была, там нету! так-то, мил дружок!

Посмотреть ходила, высока ли рожь!»
— «Ах ты дура баба! ты еще и врешь...»

Станет горячиться, станет попрекать...
Пусть себе бранится, мне не привыкать!

А и поколотит — не велик наклад —
Милого побои не долго болят!

1866

А. К. ТОЛСТОЙ

(1817—1875)

* * *

Колокольчики мои,
    Цветики степные!
Что глядите на меня,
    Темно-голубые?
И о чем звените вы
    В день веселый мая,
Средь некошеной травы
    Головой качая?

Конь несет меня стрелой
    На поле открытом;
Он вас топчет под собой,
    Бьет своим копытом.
Колокольчики мои,
    Цветики степные!
Не кляните вы меня,
    Темно-голубые!

Я бы рад вас не топтать,
    Рад промчаться мимо,
Но уздой не удержать
    Бег неукротимый!
Я лечу, лечу стрелой,
    Только пыль взметаю;

Конь несет меня лихой, —
    А куда? не знаю!

Он ученым ездоком
    Не воспитан в холе,
Он с буранами знаком,
    Вырос в чистом поле;
И не блещет как огонь
    Твой чепрак узорный,
Конь мой, конь, славянский конь,
    Дикий, непокорный!

Есть нам, конь, с тобой простор!
    Мир забывши тесный,
Мы летим во весь опор
    К цели неизвестной.
Чем окончится наш бег?
    Радостью ль? кручиной?
Знать не может человек —
    Знает бог единый!..

Упаду ль на солончак
    Умирать от зною?
Или злой киргиз-кайсак,
    С бритой головою,
Молча свой натянет лук,
    Лежа под травою,
И меня догонит вдруг
    Медною стрелою?

Иль влетим мы в светлый град
    Со кремлем престольным?
Чудно улицы гудят
    Гулом колокольным,
И на площади народ,
    В шумном ожиданье,

Видит: с запада идет
    Светлое посланье.

В кунтушах и в чекменях,
    С чубами, с усами,
Гости едут на конях,
    Машут булавами,
Подбочась, за строем строй
    Чинно выступает,
Рукава их за спиной
    Ветер раздувает.

И хозяин на крыльцо
    Вышел величавый;
Его светлое лицо
    Блещет новой славой;
Всех его исполнил вид
    И любви и страха,
На челе его горит
    Шапка Мономаха.

«Хлеб да соль! И в добрый час! —
    Говорит державный. —
Долго, дети, ждал я вас
    В город православный!»
И они ему в ответ:
    «Наша кровь едина,
И в тебе мы с давних лет
    Чаем господина!»

Громче звон колоколов,
    Гусли раздаются,
Гости сели вкруг столов,
    Мед и брага льются,

Шум летит на дальний юг
    К турке и к венгерцу —
И ковшей славянских звук
    Немцам не по сердцу!

Гой вы, цветики мои,
    Цветики степные!
Что глядите на меня,
    Темно-голубые?
И о чем грустите вы
    В день веселый мая,
Средь некошеной травы
    Головой качая?

1840-е годы

КОЛОДНИКИ

Спускается солнце за степи,
Вдали золотится ковыль, —
Колодников звонкие цепи
Взметают дорожную пыль.

Идут они с бритыми лбами,
Шагают вперед тяжело,
Угрюмые сдвинули брови,
На сердце раздумье легло.

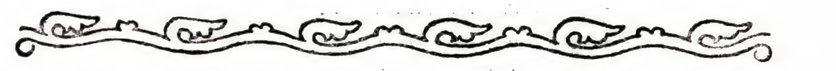
Идут с ними длинные тени,
Две клячи телегу везут,
Лениво сгибая колени,
Конвойные с ними идут.

«Что, братцы, затянемте песню,
Забудем лихую беду!
Уж, видно, такая невзгода
Написана нам на роду!»

И вот повели, затянули,
Поют, заливаясь, они
Про Волги широкой раздолье,
Про даром минувшие дни,

Поют про свободные степи,
Про дикую волю поют,
День меркнет все боле, — а цепи
Дорогу метут да метут...

Первая половина 1850-х годов

С. И. СТРОМИЛОВ*

* * *

То не ветер ветку клонит,
Не дубравушка шумит —
То мое сердечко стонет,
Как осенний лист дрожит;

Извела меня кручина,
Подколодная змея!..
Догорай, моя лучина,
Догорю с тобой и я!

Не житье мне здесь без милой:
С кем теперь идти к венцу?
Знать, судил мне рок с могилой
Обручиться, молодцу.

Расступись, земля сырая,
Дай мне, молодцу, покой,
Приюти меня, родная,
В тесной келье гробовой.

---

* Поэт 1830—1840-х годов. Даты его рождения и смерти не установлены.

Мне постыла жизнь такая,
Съела грусть меня, тоска...
Скоро ль, скоро ль гробовая
Скроет грудь мою доска!

1840-е годы

А. Е. РАЗОРЕНОВ

(1819—1891)

ПЕСНЯ

Не брани меня, родная,
Что я так люблю его.
Скучно, скучно, дорогая,
Жить одной мне без него.

Я не знаю, что такое
Вдруг случилося со мной,
Что так бьется ретивое
И терзается тоской.

Всё оно во мне изныло,
Вся горю я как огнем,
Всё немило мне, постыло,
Всё страдаю я по нем.

Мне не надобны наряды
И богатства всей земли...
Кудри молодца и взгляды
Сердце бедное зажгли...

Сжалься, сжалься же, родная,
Перестань меня бранить.
Знать, судьба моя такая —
Я должна его любить!

Конец 1840-х
или начало 1850-х годов

И. И. МАКАРОВ

(1821—1852)

* * *

Однозвучно гремит колокольчик,
И дорога пылится слегка,
И уныло по ровному полю
Разливается песнь ямщика.
Столько грусти в той песне унылой,
Столько грусти в напеве родном,
Что в душе моей хладной, остылой
Разгорелося сердце огнем.
И припомнил я ночи иные
И родные поля и леса,
И на очи, давно уж сухие,
Набежала, как искра, слеза.
Однозвучно гремит колокольчик,
И дорога пылится слегка
И замолк мой ямщик, а дорога
Предо мной далека, далека...

Конец 1840-х
или начало 1850-х годов

Н. С. СОКОЛОВ*

ОН

Кипел, горел пожар московский,
Дым расстилался по реке,
На высоте стены кремлевской
Стоял Он в сером сюртуке.

Он видел огненное море;
Впервые полный мрачных дум,
Он в первый раз постигнул горе,
И содрогнулся гордый ум!

Ему мечтался остров дикий,
Он видел гибель впереди,
И призадумался великий,
Скрестивши руки на груди, —

И погрузился Он в мечтанья,
Свой взор на пламя устремил,
И тихим голосом страданья
Он сам себе проговорил:

* Поэт и драматург 1830—1840-х годов. Даты его рождения и смерти не установлены.

«Судьба играет человеком;
Она, лукавая, всегда
То вознесет тебя над веком,
То бросит в пропасти стыда.

И я, водивший за собою
Европу целую в цепях,
Теперь поникнул головою
На этих горестных стенах!

И вы, мной созванные гости,
И вы погибли средь снегов —
В полях истлеют ваши кости
Без погребенья и гробов!

Зачем я шел к тебе, Россия,
В твои глубокие снега?
Здесь о ступени роковые
Споткнулась дерзкая нога!

Твоя обширная столица —
Последний шаг мечты моей,
Она — надежд моих гробница,
Погибшей славы — мавзолей».

(1850)

Н. П. ОГАРЕВ

(1813—1877)

АРЕСТАНТ

Ночь темна. Лови минуты!
Но стена тюрьмы крепка,
У ворот ее замкнуты
Два железные замка.
Чуть дрожит вдоль коридора
Огонек сторожевой,
И звенит о шпору шпорой,
Жить скучая, часовой.

«Часовой!» — «Что, барин, надо?»
— «Притворись, что ты заснул:
Мимо б я, да за ограду
Тенью быстрою мелькнул!
Край родной повидеть нужно
Да жену поцеловать,
И пойду под шелест дружный
В лес зеленый умирать!..»

— «Рад помочь! Куда ни шло бы! —
Божья тварь, чай, тож и я, —
Пуля, барин, ничего бы,
Да боюся батожья!
Поседел под шум военный...

А сквозь полк как проведут —
Только ком окровавленный
На тележке увезут!»

Шепот смолк... Всё тихо снова...
Где-то бог подаст приют?
То ль схоронят здесь живого?
То ль на каторгу ушлют?
Будет вечно цепь надета,
Да начальство станет бить...
Ни ножа! ни пистолета!..
И конца нет, сколько жить!..

24 февраля—20 марта 1850

Я. П. ПОЛОНСКИЙ

(1819—1898)

ПЕСНЯ ЦЫГАНКИ

Мой костер в тумане светит;
Искры гаснут на лету...
Ночью нас никто не встретит;
Мы простимся на мосту.

Ночь пройдет — и спозаранок
В степь, далеко, милый мой,
Я уйду с толпой цыганок
За кибиткой кочевой.

На прощанье шаль с каймою
Ты на мне узлом стяни:
Как концы ее, с тобою
Мы сходились в эти дни.

Кто-то мне судьбу предскажет?
Кто-то завтра, сокол мой,
На груди моей развяжет
Узел, стянутый тобой?

Вспоминай, коли другая,
Друга милого любя,
Будет песни петь, играя
На коленях у тебя!

Мой костер в тумане светит;
Искры гаснут на лету...
Ночью нас никто не встретит;
Мы простимся на мосту.

‹1853›

УЗНИЦА

Что мне она! — не жена, не любовница,
    И не родная мне дочь!
Так отчего ж ее доля проклятая
    Спать не дает мне всю ночь!

Спать не дает, оттого что мне грезится
    Молодость в душной тюрьме,
Вижу я — своды... окно за решеткою,
    Койку в сырой полутьме...

С койки глядят лихорадочно-знойные
    Очи без мысли и слез,
С койки висят чуть не до полу темные
    Космы тяжелых волос.

Ни шевелятся ни губы, ни бледные
    Руки на бледной груди,
Слабо прижатые к сердцу без трепета
    И без надежд впереди...

Что мне она! — не жена, не любовница,
    И не родная мне дочь!
Так отчего ж ее образ страдальческий
    Спать не дает мне всю ночь!

1878

И. С. НИКИТИН

(1824—1861)

ПЕСНЯ

Зашумела, разгулялась
    В поле непогода;
Принакрылась белым снегом
    Гладкая дорога.

Белым снегом принакрылась,
    Не осталось следу,
Поднялася пыль и вьюга,
    Не видать и свету.

Да удалому детине
    Буря не забота:
Он проложит путь-дорогу,
    Лишь была б охота.

Не страшна глухая полночь,
    Дальний путь и вьюга,
Если молодца в свой терем
    Ждет краса-подруга.

Уж как встретит она гостя
    Утренней зарею,
Обоймет его стыдливо
    Белою рукою,

Опустивши ясны очи,
    Друга приголубит...
Вспыхнет он — и холод ночи,
    И весь свет забудет.

Декабрь 1853

* * *

Медленно движется время, —
Веруй, надейся и жди...
Зрей, наше юное племя!
Путь твой широк впереди.
Молнии нас осветили,
Мы на распутье стоим...
    Мертвые в мире почили,
    Дело настало живым.

Сеялось семя веками, —
Корни в земле глубоко;
Срубишь леса топорами, —
Зло вырывать нелегко:
Нам его в детстве привили,
Деды сроднилися с ним...
    Мертвые в мире почили
    Дело настало живым.

Стыд, кто бессмысленно тужит,
Листья зашепчут — он нем!
Слава, кто истине служит,
Истине жертвует всем!
Поздно глаза мы открыли,
Дружно на труд поспешим...
    Мертвые в мире почили,
    Дело настало живым.

Рыхлая почва готова,
Сейте, покуда весна:
Доброго дела и слова
Не пропадут семена.
Где мы и как их добыли —
Внукам отчет отдадим...
    Мертвые в мире почили,
    Дело настало живым.

14 сентября 1857

ПЕСНЯ БОБЫЛЯ

Ни кола, ни двора,
Зипун — весь пожиток...
Эх, живи — не тужи,
Умрешь — не убыток!

Богачу-дураку
И с казной не спится;
Бобыль гол как сокол,
Поет-веселится.

Он идет да поет,
Ветер подпевает;
Сторонись, богачи!
Беднота гуляет!

Рожь стоит по бокам,
Отдает поклоны...
Эх, присвистни, бобыль!
Слушай, лес зеленый!

Уж ты плачь ли, не плачь —
Слез никто не видит,
Оробей, загорюй —
Курица обидит.

Уж ты сыт ли, не сыт —
В печаль не вдавайся;
Причешись, распахнись,
Шути-улыбайся!

Поживем да умрем, —
Будет голь пригрета...
Разумей, кто умен, —
Песенка допета!

1858

* * *

Ехал из ярмарки ухарь-купец,
Ухарь-купец, удалой молодец.
Стал он на двор лошадей покормить,
Вздумал деревню гульбой удивить.
В красной рубашке, кудряв и румян,
Вышел на улицу весел и пьян.
Собрал он девок-красавиц в кружок,
Выхватил с звонкой казной кошелек.
Потчует старых и малых вином:
«Пей-пропивай! Поживем — наживем!..»
Морщатся девки, до донышка пьют,
Шутят, и пляшут, и песни поют.
Ухарь-купец подпевает-свистит,
Оземь ногой молодецки стучит.

Синее небо, и сумрак, и тишь.
Смотрится в воду зеленый камыш.
Полосы света по речке лежат.
В золоте тучки над лесом горят.
Девичья пляска при зорьке видна,
Девичья песня за речкой слышна,
По лугу льется, по чаще лесной;
Там услыхал ее сторож седой;
Белый как лунь, он под дубом стоит,
Дуб не шелохнется, сторож молчит.

К девке стыдливой купец пристает,
Обнял, целует и руки ей жмет.
Рвется красотка за девичий круг:

Совестно ей от родных и подруг.
Смотрят подруги — их зависть берет:
Вот, мол, упрямице счастье идет.
Девкин отец свое дело смекнул,
Локтем жену торопливо толкнул.
Сед он, и рваная шапка на нем,
Глазом мигнул — и пропал за углом.
Девкина мать расторопна-смела,
С вкрадчивой речью к купцу подошла:
«Полно, касатик, отстань — не балуй!
Девки моей не позорь — не целуй!»
Ухарь-купец позвенел серебром:
«Нет, так не надо... другую найдем!..»
Вырвалась девка, хотела бежать,
Мать ей велела на месте стоять.

Звездная ночь и ясна и тепла.
Девичья песня давно замерла.
Шепчет нахмуренный лес над водой,
Ветром шатает камыш молодой.
Синяя туча над лесом плывет,
Темную зелень огнем обдает.
В крайней избушке не гаснет ночник,
Спит на печи подгулявший старик,
Спит в зипунишке и в старых лаптях,
Рваная шапка комком в головах.
Молится богу старуха жена,
Плакать бы надо — не плачет она.
Дочь их красавица поздно пришла,
Девичью совесть вином залила.
Что тут за диво! и замуж пойдет...
То-то, чай, деток на путь наведет!
Кем ты, люд бедный, на свет порожден?
Кем ты на гибель и срам осужден?

1858

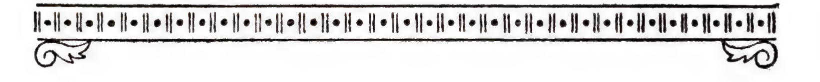
* * *

Вырыта заступом яма глубокая.
Жизнь невеселая, жизнь одинокая,
Жизнь бесприютная, жизнь терпеливая,
Жизнь, как осенняя ночь, молчаливая, —
Горько она, моя бедная, шла
И, как степной огонек, замерла.

Что же? усни, моя доля суровая!
Крепко закроется крышка сосновая,
Плотно сырою землею придавится,
Только одним человеком убавится...
Убыль его никому не больна,
Память о нем никому не нужна!..

Вот она — слышится песнь беззаботная —
Гостья погоста, певунья залетная,
В воздухе синем на воле купается;
Звонкая песнь серебром рассыпается...
Тише!.. О жизни покончен вопрос.
Больше не нужно ни песен, ни слез!

Декабрь 1860

А. А. ГРИГОРЬЕВ

(1822—1864)

* * *

О, говори хоть ты со мной,
    Подруга семиструнная!
Душа полна такой тоской,
    А ночь такая лунная!

Вон там звезда одна горит
    Так ярко и мучительно,
Лучами сердце шевелит,
    Дразня его язвительно.

Чего от сердца нужно ей?
    Ведь знает без того она,
Что к ней тоскою долгих дней
    Вся жизнь моя прикована...

И сердце ведает мое,
    Отравою облитое,
Что я впивал в себя ее
    Дыханье ядовитое...

Я от зари и до зари
    Тоскую, мучусь, сетую...
Допой же мне — договори
    Ты песню недопетую.

Договори сестры твоей
Все недомолвки странные...
Смотри: звезда горит ярчей...
О, пой, моя желанная!

И до зари готов с тобой
Вести беседу эту я...
Договори лишь мне, допой
Ты песню недопетую!

‹1857›

⟨*ИЗ СТИХОТВОРЕНИЯ «ЦЫГАНСКАЯ ВЕНГЕРКА»*⟩

Две гитары, зазвенев,
Жалобно заныли...
С детства памятный напев,
Старый друг мой — ты ли?

Как тебя мне не узнать?
На тебе лежит печать
Буйного похмелья,
Горького веселья!

Это ты, загул лихой,
Ты — слиянье грусти злой
С сладострастьем баядерки —
Ты, мотив венгерки!

Квинты резко дребезжат,
Сыплют дробью звуки...
Звуки ноют и визжат,
Словно стоны муки.

Что за горе? Плюнь да пей!
Ты завей его, завей
Веревочкой горе!
Топи тоску в море!

Вот проходка по баскам
С удалью небрежной,
А за нею — звон и гам
Буйный и мятежный.

Перебор... и квинта вновь
Ноет-завывает;
Приливает к сердцу кровь,
Голова пылает.

Чибиряк, чибиряк, чибиряшечка,
С голубыми ты глазами, моя душечка!

⟨1857⟩

Д. П. ДАВЫДОВ

(1811—1888)

ДУМЫ БЕГЛЕЦА НА БАЙКАЛЕ

Славное море — привольный Байкал,
Славный корабль — омулевая бочка.
Ну, баргузин, пошевеливай вал,
Плыть молодцу недалечко!

Долго я звонкие цепи носил;
Худо мне было в норах Акатуя.
Старый товарищ бежать пособил;
Ожил я, волю почуя.

Шилка и Нерчинск не страшны теперь;
Горная стража меня не видала,
В дебрях не тронул прожорливый зверь,
Пуля стрелка — миновала.

Шел я и в ночь — и средь белого дня;
Близ городов я поглядывал зорко;
Хлебом кормили крестьянки меня,
Парни снабжали махоркой.

Весело я на сосновом бревне
Вплавь чрез глубокие реки пускался;
Мелкие речки встречалися мне —
Вброд через них пробирался.

У моря струсил немного беглец:
Берег обширен, а нет ни корыта;
Шел я коргой — и пришел наконец
    К бочке, дресвою замытой.

Нечего думать, — бог счастье послал:
В этой посудине бык не утонет;
Труса достанет и на судне вал,
    Смелого в бочке не тронет.

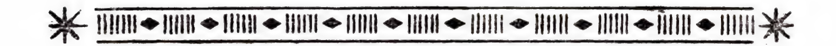
Тесно в ней было бы жить омулям;
Рыбки, утешьтесь моими словами:
Раз побывать в Акатуе бы вам —
    В бочку полезли бы сами!

Четверо суток верчусь на волне;
Парусом служит армяк дыроватый,
Добрая лодка попалася мне, —
    Лишь на ходу мешковата.

Близко виднеются горы и лес,
Буду спокойно скрываться под тенью;
Можно и тут погулять бы, да бес
    Тянет к родному селенью.

Славное море — привольный Байкал,
Славный корабль — омулевая бочка...
Ну, баргузин, пошевеливай вал:
    Плыть молодцу недалечко!

⟨1858⟩

А. Н. АММОСОВ

(1823—1866)

ЭЛЕГИЯ

«Хас-Булат удалой!
Бедна сакля твоя;
Золотою казной
Я осыплю тебя.

Саклю пышно твою
Разукрашу кругом,
Стены в ней обобью
Я персидским ковром.

Галуном твой бешмет
Разошью по краям
И тебе пистолет
Мой заветный отдам.

Дам старее тебя
Тебе шашку с клеймом,
Дам лихого коня
С кабардинским тавром.

Дам винтовку мою,
Дам кинжал Базалай, —
Лишь за это свою
Ты жену мне отдай.

Ты уж стар, ты уж сед,
Ей с тобой не житье,
На заре юных лет
Ты погубишь ее.

Тяжело без любви
Ей тебе отвечать
И морщины твои
Не любя целовать.

Видишь, вон Ямман-Су
Моет берег крутой,
Там вчера я в лесу
Был с твоею женой.

Под чинарой густой
Мы сидели вдвоем,
Месяц плыл золотой,
Все молчало кругом.

И играла река
Перекатной волной,
И скользила рука
По груди молодой.

Мне она отдалась
До последнего дня
И аллахом клялась,
Что не любит тебя!»

Крепко шашки сжимал
Хас-Булат рукоять
И, схватясь за кинжал,
Стал ему отвечать:

«Князь! рассказ длинный твой
Ты напрасно мне рек,
Я с женой молодой
Вас вчера подстерег.

Береги, князь, казну
И владей ею сам,
За неверность жену
Тебе даром отдам.

Ты невестой своей
Полюбуйся поди, —
Она в сакле моей
Спит с кинжалом в груди.

Я глаза ей закрыл,
Утопая в слезах,
Поцелуй мой застыл
У нее на губах».

Голос смолк старика,
Дремлет берег крутой;
И играет река
Перекатной волной.

(1858)

И. И. ГОЛЬЦ-МИЛЛЕР

(1842—1871)

«СЛУ-ШАЙ!»

Как дело измены, как совесть тирана,
Осенняя ночка черна...
Черней этой ночи встает из тумана
Видением мрачным тюрьма.
Кругом часовые шагают лениво;
В ночной тишине, то и знай,
Как стон, раздается протяжно, тоскливо:
— Слу-шай!..

Хоть плотны высокие стены ограды,
Железные крепки замки,
Хоть зорки и ночью тюремщиков взгляды
И всюду сверкают штыки,
Хоть тихо внутри, но тюрьма — не кладбище,
И ты, часовой, не плошай:
Не верь тишине, берегися, дружище, —
— Слу-шай!..

Вот узник вверху за решеткой железной
Стоит, прислонившись к окну,
И взор устремил он в глубь ночи беззвездной,
Весь словно впился в тишину.

Ни звука!.. Порой лишь собака зальется
Да крикнет сова невзначай,
Да мерно внизу под окном раздается:
— Слу-шай!..

«Не дни и не месяцы — долгие годы
В тюрьме осужден я страдать,
А бедное сердце так жаждет свободы, —
Нет, дольше не в силах я ждать!..
Здесь штык или пуля — там воля святая...
Эх, черная ночь, выручай!
Будь узнику ты хоть защитой, родная!..»
— Слу-шай!..

Чу!.. Шелест... Вот кто-то упал...
приподнялся...
И два раза щелкнул курок...
«Кто идет?..» Тень мелькнула — и выстрел
раздался,
И ожил мгновенно острог.
Огни замелькали, забегали люди...
«Прощай, жизнь, свобода, прощай!» —
Прорвалося стоном из раненой груди...
— Слу-шай!..

И снова всё тихо... На небе несмело
Луна показалась на миг.
И, словно сквозь слезы, из туч поглядела
И скрыла заплаканный лик.
Внизу ж часовые шагают лениво;
В ночной тишине, то и знай,
Как стон, раздается протяжно, тоскливо:
— Слу-шай!..

Вторая половина 1863

А. А. НАВРОЦКИЙ

(1839—1914)

УТЕС СТЕНЬКИ РАЗИНА

Есть на Волге утес, диким мохом оброс
Он с боков от подножья до края,
И стоит сотни лет, только мохом одет,
Ни нужды, ни заботы не зная.

На вершине его не растет ничего,
Там лишь ветер свободный гуляет,
Да могучий орел свой притон там завел
И на нем свои жертвы терзает.

Из людей лишь один на утесе том был,
Лишь один до вершины добрался,
И утес человека того не забыл
И с тех пор его именем звался.

И хотя каждый год по церквам на Руси
Человека того проклинают,
Но приволжский народ о нем песни поет
И с почетом его вспоминает.

Раз ночною порой, возвращаясь домой,
Он один на утес тот взобрался
И в полуночной мгле на высокой скале
Там всю ночь до зари оставался.

Много дум в голове родилось у него,
Много дум он в ту ночь передумал,
И под говор волны, средь ночной тишины,
Он великое дело задумал.

И, задумчив, угрюм от надуманных дум,
Он наутро с утеса спустился
И задумал идти по другому пути —
И идти на Москву он решился.

Но свершить не успел он того, что хотел,
И не то ему пало на долю.
И расправой крутой да кровавой рекой
Не помог он народному горю.

Не владыкою был он в Москву привезен,
Не почетным пожаловал гостем,
И не ратным вождем, на коне и с мечом,
А в постыдном бою с мужиком-палачом
Он сложил свои буйные кости.

Но прошла старина, и что в те времена
Лишь мятежною вспышкой казалось,
То теперь решено, но не всё, а одно
И надолго вопросом осталось.

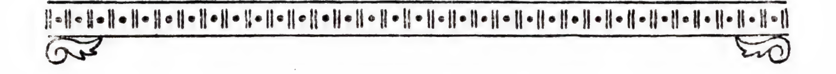
И Степан будто знал — никому не сказал,
Никому своих дум не поведал;
Лишь утесу тому, где он был, одному
Он те думы хранить заповедал.

И поныне стоит тот утес, и хранит
Он заветные думы Степана;
И лишь с Волгой одной вспоминает порой
Удалое житье атамана.

Но зато, если есть на Руси хоть один,
Кто с корыстью житейской не знался,
Кто неправдой не жил, бедняка не давил,
Кто свободу, как мать дорогую, любил
И во имя ее подвизался, —

Пусть тот смело идет, на утес тот взойдет
И к нему чутким ухом приляжет,
И утес-великан всё, что думал Степан,
Всё тому смельчаку перескажет.

1864

И. З. СУРИКОВ

(1841—1880)

РЯБИНА

«Что шумишь, качаясь,
Тонкая рябина,
Низко наклоняясь
Головою к тыну?»

— «С ветром речь веду я
О своей невзгоде,
Что одна расту я
В этом огороде.

Грустно, сиротинка,
Я стою, качаюсь,
Что к земле былинка,
К тыну нагибаюсь.

Там, за тыном, в поле,
Над рекой глубокой,
На просторе, в воле,
Дуб растет высокий.

Как бы я желала
К дубу перебраться;
Я б тогда не стала
Гнуться да качаться.

Близко бы ветвями
Я к нему прижалась
И с его листами
День и ночь шепталась.

Нет, нельзя рябинке
К дубу перебраться!
Знать, мне, сиротинке,
Век одной качаться».

1864

В СТЕПИ

Кони мчат-несут,
Степь всё вдаль бежит;
Вьюга снежная
На степи гудит.

Снег да снег кругом;
Сердце грусть берет;
Про моздокскую
Степь ямщик поет...

Как простор степной
Широко-велик;
Как в степи глухой
Умирал ямщик;

Как в последний свой
Передсмертный час
Он товарищу
Отдавал приказ:

«Вижу, смерть меня
Здесь, в степи, сразит, —
Не попомни, друг,
Злых моих обид.

Злых моих обид
Да и глупостей,
Неразумных слов,
Прежней грубости.

Схорони меня
Здесь, в степи глухой;
Вороных коней
Отведи домой.

Отведи домой,
Сдай их батюшке;
Отнеси поклон
Старой матушке.

Молодой жене
Ты скажи, друг мой,
Чтоб меня она
Не ждала домой...

Кстати, ей еще
Не забудь сказать:
Тяжело вдовой
Мне ее кидать!

Передай словцо
Ей прощальное
И отдай кольцо
Обручальное.

Пусть о мне она
Не печалится;
С тем, кто по сердцу,
Обвенчается!»

Замолчал ямщик,
Слеза катится...
А в степи глухой
Вьюга плачется.

Голосит она,
В степи стон стоит,
Та же песня в ней
Ямщика звучит:

«Как простор степной
Широко-велик;
Как в степи глухой
Умирал ямщик».

1865

* * *

Сиротой я росла,
Как былинка в поле;
Моя молодость шла
У других в неволе.

Я с тринадцати лет
По людям ходила:
Где качала детей,
Где коров доила.

Светлой радости я,
Ласки не видала:
Износилась моя
Красота, увяла.

Износили ее
Горе да неволя;
Знать, такая моя
Уродилась доля.

Уродилась я
Девушкой красивой,
Да не дал только бог
Доли мне счастливой.

Птичка в темном саду
Песни распевает,
И волчица в лесу
Весело играет.

Есть у птички гнездо,
У волчицы дети —
У меня ж ничего,
Никого на свете.

Ох, бедна я, бедна,
Плохо я одета, —
Никто замуж меня
И не взял за это!

Эх ты, доля моя,
Доля-сиротинка!
Что полынь ты трава,
Горькая осинка!

1867

МАЛОРОССИЙСКАЯ ПЕСНЯ

Я ли в поле да не травушка была,
Я ли в поле не зеленая росла;
Взяли меня, травушку, скосили,
На солнышке в поле иссушили.

Ох ты, горе мое, горюшко!
Знать, такая моя долюшка!

Я ли в поле не пшеничушка была,
Я ли в поле не высокая росла;
Взяли меня срезали серпами,
Склали меня на поле снопами.

Ох ты, горе мое, горюшко!
Знать, такая моя долюшка!

Я ли в поле не калинушка была,
Я ли в поле да не красная росла;
Взяли калинушку поломали
И в жгутики меня посвязали.

Ох ты, горе мое, горюшко!
Знать, такая моя долюшка!

Я ль у батюшки не доченька была,
У родимой не цветочек я росла;
Неволей меня, бедную, взяли
И с немилым седым повенчали.

Ох ты, горе мое, горюшко!
Знать, такая моя долюшка!

1870

КАЗНЬ СТЕНЬКИ РАЗИНА

Точно море в час прибоя,
Площадь Красная гудит.
Что за говор? Что там против
Места лобного стоит?

Плаха черная далеко
От себя бросает тень...
Нет ни облачка на небе...
Блещут главы... Ясен день.

Ярко с неба светит солнце
На кремлевские зубцы,
И вокруг высокой плахи
В два ряда стоят стрельцы.

Вот толпа заколыхалась, —
Проложил дорогу кнут:
Той дороженькой на площадь
Стеньку Разина ведут.

С головы казацкой сбриты
Кудри, черные как смоль;
Но лица не изменили
Казни страх и пытки боль.

Так же мрачно и сурово,
Как и прежде, смотрит он, —
Перед ним былое время
Восстает, как яркий сон:

Дона тихого приволье,
Волги-матушки простор,
Где с судов больших и малых
Брал он с вольницей побор;

Как он с силою казацкой
Рыскал вихорем степным
И кичливое боярство
Трепетало перед ним.

Душит злоба удалого,
Жгет огнем и давит грудь,
Но тяжелые колодки
С ног не в силах он смахнуть.

С болью тяжкою оставил
В это утро он тюрьму:
Жаль не жизни, а свободы,
Жалко волюшки ему.

Не придется Стеньке кликнуть
Клич казацкой голытьбе
И призвать ее на помощь
С Дона тихого к себе.

Не удастся с этой силой
Силу ратную тряхнуть —
Воевод, бояр московских
В три погибели согнуть.

«Как под городом Симбирском
(Думу думает Степан)
Рать казацкая побита,
Не побит лишь атаман.

Знать, уж долюшка такая,
Что на Дон казак бежал,
На родной своей сторонке
Во пойманье попал.

Не больна мне та обида,
Та истома не горька,
Что московские бояре
Заковали казака,

Что на помосте высоком
Поплачусь я головой
За разгульные потехи
С разудалой голытьбой.

Нет, мне та больна обида,
Мне горька истома та,
Что изменною неправдой
Голова моя взята!

Вот сейчас на смертной плахе
Срубят голову мою,
И казацкой алой кровью
Черный помост я полью...

Ой ты, Дон ли мой родимый!
Волга-матушка река!
Помяните добрым словом
Атамана-казака!..»

Вот и помост перед Стенькой...
Разин бровью не повел.
И наверх он по ступеням
Бодрой поступью взошел.

Поклонился он народу,
Помолился на собор...
И палач в рубахе красной
Высоко взмахнул топор...

«Ты прости, народ крещеный!
Ты прости-прощай, Москва!..»
И скатилась с плеч казацких
Удалая голова.

(1877)

Л. И. ПАЛЬМИН

(1841—1891)

REQUIEM

Не плачьте над трупами павших борцов,
　　Погибших с оружьем в руках,
Не пойте над ними надгробных стихов,
　　Слезой не скверните их прах.

Не нужно ни гимнов, ни слез мертвецам,
　　Отдайте им лучший почет:
Шагайте без страха по мертвым телам,
　　Несите их знамя вперед!

С врагом их, под знаменем тех же идей,
　　Ведите их бой до конца!
Нет почести лучшей, нет тризны святей
　　　　Для тени достойной борца!

‹1865›

Л. Н. ТРЕФОЛЕВ

(1839—1905)

ЯМЩИК

Мы пьем, веселимся, а ты, нелюдим,
    Сидишь, как невольник, в затворе.
И чаркой и трубкой тебя наградим,
    Когда нам поведаешь горе.

Не тешит тебя колокольчик подчас,
    И девки не тешат. В печали
Два года живешь ты, приятель, у нас, —
    Веселым тебя не встречали.

«Мне горько и так, и без чарки вина,
    Немило на свете, немило!
Но дайте мне чарку; поможет она
    Сказать, что меня истомило.

Когда я на почте служил ямщиком,
    Был молод, водилась силенка.
И был я с трудом подневольным знаком,
    Замучила страшная гонка.

Скакал я и ночью, скакал я и днем;
    На водку давали мне баря,
Рублевик получим и лихо кутнем,
    И мчимся, по всем приударя.

Друзей было много. Смотритель не злой;
Мы с ним побраталися даже.
А лошади! Свистну — помчатся стрелой...
Держися, седок, в экипаже!

Эх, славно я ездил! Случалось, грехом,
Лошадок порядком измучишь;
Зато, как невесту везешь с женихом,
Червонец наверно получишь.

В соседнем селе полюбил я одну
Девицу. Любил не на шутку;
Куда ни поеду, а к ней заверну,
Чтоб вместе пробыть хоть минутку.

Раз ночью смотритель дает мне приказ:
«Живей отвези эстафету!»
Тогда непогода стояла у нас,
На небе ни звездочки нету.

Смотрителя тихо, сквозь зубы, браня
И злую ямщицкую долю,
Схватил я пакет и, вскочив на коня,
Помчался по снежному полю.

Я еду, а ветер свистит в темноте,
Мороз подирает по коже.
Две вёрсты мелькнули, на третьей версте...
На третьей... О господи боже!

Средь посвистов бури услышал я стон,
И кто-то о помощи просит,
И снежными хлопьями с разных сторон
Кого-то в сугробах заносит.

Коня понукаю, чтоб ехать спасти;
Но, вспомнив смотрителя, трушу,
Мне кто-то шепнул: на обратном пути
Спасешь христианскую душу.

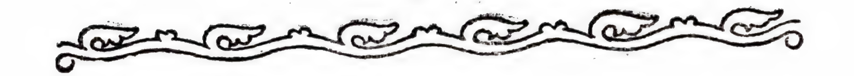
Мне сделалось страшно. Едва я дышал,
Дрожали от ужаса руки.
Я в рог затрубил, чтобы он заглушал
Предсмертные слабые звуки.

И вот на рассвете я еду назад.
По-прежнему страшно мне стало,
И, как колокольчик разбитый, не в лад
В груди сердце робко стучало.

Мой конь испугался пред третьей верстой
И гриву вскосматил сердито:
Там тело лежало, холстиной простой
Да снежным покровом покрыто.

Я снег отряхнул — и невесты моей
Увидел потухшие очи...
Давайте вина мне, давайте скорей,
Рассказывать дальше — нет мочи!»

⟨1868⟩

П. Л. ЛАВРОВ

(1823—1900)

НОВАЯ ПЕСНЯ

Отречемся от старого мира!
Отряхнем его прах с наших ног!
Нам враждебны златые кумиры;
Ненавистен нам царский чертог!
Мы пойдем в ряды страждущих братий,
Мы к голодному люду пойдем;
С ним пошлем мы злодеям проклятья,
На борьбу мы его позовем:

Вставай, подымайся, рабочий народ!
Вставай на врагов, брат голодный!
Раздайся крик мести народной!
Вперед!

Богачи, кулаки жадной сворой
Расхищают тяжелый твой труд.
Твоим потом жиреют обжоры;
Твой последний кусок они рвут.
Голодай, чтоб они пировали,
Голодай, чтоб в игре биржевой
Они совесть и честь продавали,
Чтоб ругались они над тобой!

Вставай, подымайся, рабочий народ!
Вставай на врагов, брат голодный!
Раздайся крик мести народной!
Вперед!

Тебе отдых — одна лишь могила!
Каждый день недоимку готовь;
Царь-вампир из тебя тянет жилы!
Царь-вампир пьет народную кровь!
Ему нужны для войска солдаты:
Подавай же сюда сыновей!
Ему нужны пиры да палаты:
Подавай ему крови твоей!

Вставай, подымайся, рабочий народ!
Вставай на врагов, брат голодный!
Раздайся крик мести народной!
Вперед!

Не довольно ли вечнюго горя?
Встанем, братья, повсюду зараз!
От Днепра и до Белого моря,
И Поволжье, и Дальний Кавказ!
На воров, на собак — на богатых!
Да на злого вампира-царя!
Бей, губи их, злодеев проклятых!
Засветись лучшей жизни заря!

Вставай, подымайся, рабочий народ!
Вставай на врагов, брат голодный!
Раздайся крик мести народной!
Вперед!

И взойдет за кровавой зарею
Солнце правды и братства людей.
Купим мир мы последней борьбою,

Купим кровью мы счастье детей.
И настанет година свободы,
Сгинет ложь, сгинет зло навсегда,
И сольются в едино народы
В вольном царстве святого труда...

Вставай, подымайся, рабочий парод!
Вставай на врагов, брат голодный!
Раздайся крик мести народной!
Вперед!

⟨1875⟩

Г. А. МАЧТЕТ

(1852—1901)

ПОСЛЕДНЕЕ ПРОСТИ...

(Замученному в остроге Чернышеву,
борцу за народное дело)

Замученный тяжкой неволей,
Ты славною смертью почил...
В борьбе за народное дело
Ты буйные кости сложил...

Служил ты немного, но честно
Для блага родимой земли...
И мы — твои братья по духу —
Тебя на кладбище снесли...

Наш враг над тобой не глумился...
Кругом тебя были — свои...
Мы сами, родимый, закрыли
Орлиные очи твои...

Не горе нам душу давило,
Не слезы блистали в очах,
Когда мы, прощаясь с тобою,
Землей засыпали твой прах, —

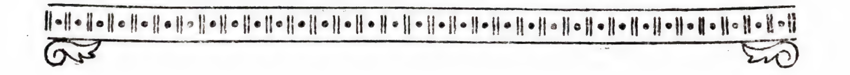
Нет, злоба нас только душила,
Мы к битве с врагами рвались
И мстить за тебя беспощадно
Над прахом твоим поклялись!..

С тобою одна нам дорога:
Как ты — мы в острогах сгнием;
Как ты — для народного дела
Мы головы наши снесем;

Как ты — мы, быть может, послужим
Лишь почвой для новых людей,
Лишь грозным пророчеством новых
Грядущих и доблестных дней...

Но знаем, как знал ты, родимый,
Что скоро из наших костей
Подымется мститель суровый
И будет он нас посильней!..

31 марта 1876

С. Ф. РЫСКИН

(1859—1895)

УДАЛЕЦ

Живет моя зазноба в высоком терему;
В высокий этот терем нет ходу никому;
Но я нежданным гостем — настанет только ночь —
К желанной во светлицу пожаловать не прочь!..
Без шапки-невидимки пройду я в гости к ней!..
Была бы только ночка сегодня потемней!..

При тереме, я знаю, есть сторож у крыльца,
Но он не остановит детину-удальца:
Короткая расправа с ним будет у меня —
Не скажет он ни слова, отведав кистеня!..
Эх, мой кистень страшнее десятка кистеней!..
Была бы только ночка сегодня потемней!..

Войду тогда я смело и быстро на крыльцо;
Забрякает у двери железное кольцо;
И выйдет мне навстречу, и хилый и седой,
Постылый муж зазнобы, красотки молодой,
И он не загородит собой дороги к ней!..
Была бы только ночка сегодня потемней!..

Войдет тогда к желанной лихая голова,
Промолвит: будь здорова, красавица вдова!..
Бежим со мной скорее, бежим, моя краса,

Из терема-темницы в дремучие леса!..
Бежим — готова тройка лихих моих коней!..
Была бы только ночка сегодня потемней!..

Едва перед рассветом рассеется туман,
К товарищам с желанной примчится атаман;
И будет пир горою тогда в густом лесу,
И удалец женою возьмет себе красу;
Он скажет: не увидишь со мной ты черных дней!..
Была бы только ночка сегодня потемней!..

1882

Д. Н. САДОВНИКОВ

(1847—1883)

* * *

Из-за острова на стрежень,
На простор речной волны
Выбегают расписные,
Острогрудые челны.

На переднем Стенька Разин,
Обнявшись с своей княжной,
Свадьбу новую справляет,
И веселый и хмельной.

А княжна, склонивши очи,
Ни жива и ни мертва,
Робко слушает хмельные,
Неразумные слова.

«Ничего не пожалею!
Буйну голову отдам!» —
Раздается по окрестным
Берегам и островам.

«Ишь ты, братцы, атаман-то
Нас на бабу променял!
Ночку с нею повозился —
Сам наутро бабой стал...

Ошалел...» Насмешки, шепот
Слышит пьяный атаман —
Персиянки полоненной
Крепче обнял полный стан.

Гневно кровью налилися
Атамановы глаза,
Брови черные нависли,
Собирается гроза...

«Эх, кормилица родная,
Волга, матушка-река!
Не видала ты подарков
От донского казака!..

Чтобы не было зазорно
Перед вольными людьми,
Перед вольною рекою, —
На, кормилица... возьми!»

Мощным взмахом поднимает
Полоненную княжну
И, не глядя, прочь кидает
В набежавшую волну...

«Что затихли, удалые?..
Эй ты, Фролка-черт, пляши!..
Грянь, ребята, хоровую
За помин ее души!..»

‹1883›

А. А. ОЛЬХИН

(1839—1897)

ДУБИНУШКА

Много песен слыхал я в родной стороне,
Там про радость и горе в них пели;
Из всех песен одна в память врезалась мне,
Это песня рабочей артели:
Ой, дубинушка, ухнем!
Ой, зеленая сама пойдет! *(два раза)*
Подернем! *(два раза)* Ух!

И от дедов к отцам, от отцов к сыновьям
Эта песня идет по наследству,
И лишь только как станет работать невмочь,
Мы к дубине, как к верному средству.
Ой, дубинушка, ухнем!.. *и т. д.*

Говорят, что мужик наш работать ленив,
Пока не взбороздят ему спину,
Ну, так как же забыть наш родимый мотив
И не петь про родную дубину.
Ой, дубинушка, ухнем!.. *и т. д.*

Англичанин-хитрец, чтоб работе помочь,
Изобрел за машиной машину,

А наш русский мужик, коль работа невмочь,
Так затянет родную дубину.
Ой, дубинушка, ухнем!.. *и т. д.*

Тянем с лесом судно, иль железо куем,
Иль в Сибири руду добываем,
С мукой, с болью в груди одну песню поем,
Про дубину в ней всё вспоминаем.
Ой, дубинушка, ухнем!.. *и т. д.*

И на Волге-реке, утопая в песке,
Мы ломаем и ноги, и спину,
Надрываем там грудь, и, чтоб легче тянуть,
Мы поем про родную дубину.
Ой, дубинушка, ухнем!.. *и т. д.*

Пускай мучат и бьют, пускай в цепи куют,
Пусть терзают избитую спину, —
Будем ждать и терпеть, и в нужде будем петь
Всё про ту же родную дубину.
Ой, дубинушка, ухнем!.. *и т. д.*

Мы пируем при блеске огней на балах,
И шутя мы поем про дубину,
А забыли о тех, кто сидит в кандалах
Всё за ту же родную дубину.
Ой, дубинушка, ухнем!.. *и т. д.*

Но ведь время придет, и проснется народ,
Разогнет он избитую спину
И в родимых лесах на врагов подберет
Здоровее и крепче дубину.
Ой, дубинушка, ухнем!.. *и т. д.*

‹1885›

М. И. ОЖЕГОВ

(1860—1931)

МЕЖ КРУТЫХ БЕРЕГОВ

Меж крутых берегов
Волга-речка текла,
А на ней, по волнам,
Легка лодка плыла.

В ней сидел молодец,
Шапка с кистью на нем,
Он, с веревкой в руках,
Волны резал веслом.

Он ко бережку плыл,
Лодку вмиг привязал,
Сам на берег взошел,
Соловьем просвистал.

Как на том берегу
Красный терем стоял,
Там красотка жила,
Он ее вызывал.

Муж красавицы был
Воевода лихой,
Да понравился ей
Молодец удалой.

Дожидала краса
Молодца у окна,
Принимала его
По веревке она.

Погостил молодец —
Утром ранней зарей
И отправился в путь
Он с красоткой своей.

Долго, долго искал
Воевода жену,
Отыскал он ее
У злодея в плену.

Долго бились они
На крутом берегу,
Не хотел уступить
Воевода врагу.

И последний удар
Их судьбу порешил,
Он конец их вражде
Навсегда положил:

Волга в волны свои
Молодца приняла,
По реке, по волнам,
Шапка с кистью плыла.

(1893)

Л. П. РАДИН

(1860? — 1901)

* * *

Смело, товарищи, в ногу!
Духом окрепнем в борьбе,
В царство свободы дорогу
Грудью проложим себе. (2)

Вышли мы все из народа,
Дети семьи трудовой.
«Братский союз и свобода» —
Вот наш девиз боевой. (2)

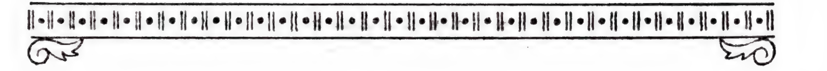
Долго в цепях нас держали,
Долго нас голод томил,
Черные дни миновали,
Час искупленья пробил! (2)

Время за дело приняться,
В бой поспешим мы скорей.
Нашей ли рати бояться
Призрачной силы царей? (2)

Всё, чем держáтся их троны,
Дело рабочей руки...
Сами набьем мы патроны,
К ружьям привинтим штыки. (2)

Свергнем могучей рукою
Гнет роковой навсегда
И водрузим над землею } (2)
Красное знамя труда!

1896 или 1897

Г. М. КРЖИЖАНОВСКИЙ

(1872—1959)

ВАРШАВЯНКА

Вихри враждебные воют над нами,
Темные силы нас злобно гнетут,
В бой роковой мы вступили с врагами,
Нас еще судьбы безвестные ждут.

Но мы подымем гордо и смело
Знамя борьбы за рабочее дело,
Знамя великой борьбы всех народов
За лучший мир, за святую свободу!

На бой кровавый,
Святой и правый,
Марш, марш вперед,
Рабочий народ! } (2)

Мрет в наши дни с голодухи рабочий.
Станем ли, братья, мы дольше молчать?
Наших сподвижников юные очи
Может ли вид эшафота пугать?

В битве великой не сгинут бесследно
Павшие с честью во имя идей,
Их имена с нашей песней победной
Станут священны мильонам людей.

На бой кровавый,
Святой и правый,
Марш, марш вперед,
Рабочий народ! } (2)

Нам ненавистны тиранов короны,
Цепи народа-страдальца мы чтим,
Кровью народной залитые троны
Кровью мы наших врагов обагрим.

Месть беспощадная всем супостатам,
Всем паразитам трудящихся масс,
Мщенье и смерть всем царям-плутократам,
Близок победы торжественный час!

На бой кровавый,
Святой и правый,
Марш, марш вперед,
Рабочий народ! } (2)

1897

В. Г. БОГОРАЗ-ТАН

(1865—1936)

КРАСНОЕ ЗНАМЯ

Слезами залит мир безбрежный,
Вся наша жизнь — тяжелый труд;
Но день настанет неизбежный,
Неумолимо грозный суд.

Лейся вдаль, наш напев! Мчись кругом!
Над миром знамя наше веет
И несет клич борьбы, мести гром,
Семя грядущего сеет.
Оно горит и ярко рдеет.
То наша кровь горит огнем,
То кровь работников на нем!

Пусть слуги тьмы хотят насильно
Связать разорванную сеть,
Слепое зло падет бессильно,
Добро не может умереть!

Лейся вдаль, наш напев! Мчись кругом! *и т. д.*

Отживший рушится порядок,
В его паденьи — наш успех.
Нам будет труд совместный сладок,
И будет плод его для всех.

Лейся вдаль, наш напев! Мчись кругом! *и т. д.*

Скорей, друзья! Идем все вместе,
Рука с рукой и мысль одна!
Кто скажет буре: стой на месте!
Чья власть на свете так сильна?

Лейся вдаль, наш напев! Мчись кругом! *и т. д.*

Долой тиранов! Прочь оковы!
Не нужно старых рабских пут!
Мы путь земле укажем новый,
Владыкой мира будет труд!

Лейся вдаль, наш напев! Мчись кругом!
Над миром знамя наше веет
И несет клич борьбы, мести гром,
Семя грядущего сеет.
Оно горит и ярко рдеет.
То наша кровь горит огнем,
То кровь работников на нем!

‹1900›

Я. РЕПНИНСКИЙ*

«ВАРЯГ»

Плещут холодные волны,
Бьются о берег морской...
Носятся чайки над морем,
Крики их полны тоской...

Мечутся белые чайки,
Что-то встревожило их, —
Чу!.. загремели раскаты
Взрывов далеких, глухих.

Там, среди шумного моря,
Вьется Андреевский стяг, —
Бьется с неравною силой
Гордый красавец «Варяг».

Сбита высокая мачта,
Броня пробита на нем,
Борется стойко команда
С морем, с врагом и с огнем.

---

* Биографические данные о Я. Репнинском не установлены.

Пенится Желтое море,
Волны сердито шумят;
С вражьих морских великанов
Выстрелы чаще гремят.

Реже с «Варяга» несется
Ворогу грозный ответ...
«Чайки! снесите отчизне
Русских героев привет...

Миру всему передайте,
Чайки, печальную весть:
В битве врагу мы не сдались —
Пали за русскую честь!..

Мы пред врагом не спустили
Славный Андреевский флаг,
Нет! мы взорвали «Корейца»,
Нами потоплен «Варяг»!»

Видели белые чайки —
Скрылся в волнах богатырь,
Смолкли раскаты орудий,
Стихла далекая ширь...

Плещут холодные волны,
Бьются о берег морской,
Чайки на запад несутся,
Крики их полны тоской...

Февраль 1904

Е. М. СТУДЕНСКАЯ*

ПАМЯТИ «ВАРЯГА»

Наверх, о товарищи, все по местам!
Последний парад наступает!
Врагу не сдается наш гордый «Варяг»,
Пощады никто не желает!

Все вымпелы вьются и цепи гремят,
Наверх якоря поднимая,
Готовятся к бою орудий ряды,
На солнце зловеще сверкая.

Из пристани верной мы в битву идем,
Навстречу грозящей нам смерти,
За родину в море открытом умрем,
Где ждут желтолицые черти!

Свистит, и гремит, и грохочет кругом
Гром пушек, шипенье снаряда,
И стал наш бесстрашный, наш верный «Варяг»
Подобьем кромешного ада!

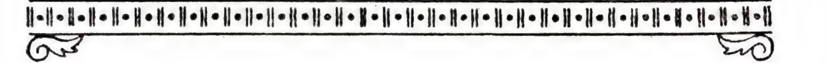
* Биографические данные о Е. М. Студенской не установлены.

В предсмертных мученьях трепещут тела,
    Вкруг грохот, и дым, и стенанья,
И судно охвачено морем огня, —
    Настала минута прощанья.

Прощайте, товарищи! С богом, ура!
    Кипящее море под нами!
Не думали мы еще с вами вчера,
    Что нынче уснем под волнами!

Не скажут ни камень, ни крест, где легли
    Во славу мы русского флага,
Лишь волны морские прославят вовек
    Геройскую гибель «Варяга»!

Между февралем и апрелем 1904

Ф. С. ШКУЛЕВ

(1868—1930)

МЫ КУЗНЕЦЫ

Мы кузнецы, и дух наш молод,
Куем мы к счастию ключи!
Вздымайся выше, тяжкий молот,
В стальную грудь сильней стучи.

Мы светлый путь куем народу, —
Полезный труд для всех куем...
И за желанную свободу
Мы все страдаем и умрем.

Мы кузнецы. Отчизне милой
Мы только лучшего хотим.
И мы недаром тратим силы —
Недаром молотом стучим.

Ведь после каждого удара
Редеет тьма, слабеет гнет,
И по полям родным и ярам
Народ измученный встает.

1905 или 1906

ПЕСНИ НЕИЗВЕСТНЫХ АВТОРОВ

* * *

Смело, друзья! Не теряйте
Бодрость в неравном бою,
Родину-мать защищайте,
Честь и свободу свою!
Пусть нас по тюрьмам сажают,
Пусть нас пытают огнем,
Пусть в рудники посылают,
Пусть мы все казни пройдем!
Если погибнуть придется
В тюрьмах и шахтах сырых, —
Дело, друзья, отзовется
На поколеньях живых.

Стонет и тяжко вздыхает
Бедный забитый народ;
Руки он к нам простирает,
Нас он на помощь зовет.
Час обновленья настанет —
Воли добьется народ,
Добрым нас словом помянет,
К нам на могилу придет.
Если погибнуть придется
В тюрьмах и шахтах сырых, —
Дело, друзья, отзовется
На поколеньях живых.

1861

* * *

По пыльной дороге телега несется,
В ней по бокам два жандарма сидят.
Сбейте оковы,
Дайте мне волю,
Я научу вас свободу любить.

Юный изгнанник в телеге той мчится,
Скованы руки, как плети висят.
Сбейте оковы,
Дайте мне волю,
Я научу вас свободу любить.

Дома оставил он мать беззащитную,
Будет она и любить и страдать.
Сбейте оковы,
Дайте мне волю,
Я научу вас свободу любить.

Дома оставил он милую сердцу,
Будет она от тоски изнывать.
Сбейте оковы,
Дайте мне волю,
Я научу вас свободу любить.

Вспомнил он, бедный, дело народпое,
Вспомнил, за что он так долго страдал.
        Сбейте оковы,
        Дайте мне волю,
Я научу вас свободу любить.

Вспомнил и молвил: «Дайте мне волю,
Я научу вас свободу любить».

1860-е или 1870-е годы

ДОЛЯ

Уж ты, доля, моя доля,
Доля горькая моя,
Уж за что ж ты, злая доля,
До Сибири довела?

Не за пьянство, за буянство
И не за ночной разбой —
Стороны своей лишился
За крестьянский мир честной.

Год в ту пору был голодный,
Стали подати сбирать
И последние пожитки,
Всю скотину продавать.

Я от мира с челобитной
К самому царю пошел,
Но схватили по дороге,
До царя я не дошел.

И по царскому веленью
За прошенье мужиков
Его милости плательщик
Сподобился кандалов.

Далеко село родное,
А хотелось бы узнать,
Удалось ли односельцам
С шеи подати скачать?

‹1873›

* * *

Вы жертвою пали в борьбе роковой
    Любви беззаветной к народу,
Вы отдали всё, что могли, за него,
    За жизнь его, честь и свободу.

Порой изнывали по тюрьмам сырым;
    Свой суд беспощадный над вами
Враги-палачи изрекали порой,
    И шли вы, гремя кандалами.

А деспот пирует в роскошном дворце,
    Тревогу вином заливая,
Но грозные буквы давно на стене
    Чертит уж рука роковая.

Настанет пора — и проснется народ,
    Великий, могучий, свободный.
Прощайте же, братья, вы честно прошли
    Ваш доблестный путь, благородный!

1870-е годы

* * *

Солнце всходит и заходит,
А в тюрьме моей темно.
Дни и ночи часовые,
Да э-эх!
Стерегут мое окно.

Как хотите стерегите,
Я и так не убегу,
Мне и хочется на волю,
Да э-эх!
Цепь порвать я не могу.

Ах! вы цепи, мои цепи,
Вы железны сторожа!
Не сорвать мне, не порвать вас,
Да э-эх!
Истомилась вся душа.

Солнца луч уж не заглянет,
Птиц не слышны голоса,
Как цветок и сердце вянет,
Да э-эх!
Не глядели бы глаза!

(1880-е годы)

* * *

По диким степям Забайкалья,
Где золото роют в горах,
Бродяга, судьбу проклиная,
Тащился с сумой на плечах.

Идет он густою тайгою,
Где пташки одни лишь поют,
Котел его сбоку тревожит,
Сухие коты ноги бьют.

На нем рубашонка худая,
Со множеством разных заплат,
Шапчонка на нем арестанта
И серый тюремный халат.

Бежал из тюрьмы темной ночью,
В тюрьме он за правду страдал —
Идти дальше нет больше мочи,
Пред ним расстилался Байкал.

Бродяга к Байкалу подходит,
Рыбацкую лодку берет
И грустную песню заводит —
Про родину что-то поет:

«Оставил жену молодую
И малых оставил детей,
Теперь я иду наудачу,
Бог знает, увижусь ли с ней!»

Бродяга Байкал переехал,
Навстречу родимая мать.
«Ах, здравствуй, ах, здравствуй, мамаша,
Здоров ли отец, хочу знать?»

— «Отец твой давно уж в могиле,
Сырою землею зарыт,
А брат твой давно уж в Сибири,
Давно кандалами гремит.

Пойдем же, пойдем, мой сыночек,
Пойдем же в курень наш родной,
Жена там по мужу скучает
И плачут детишки гурьбой».

1880-е годы

КОЛЕЧКО

Потеряла я колечко, потеряла я любовь,
А по этом по колечке буду плакать день и ночь.
Где девался тот цветочек, что долину украшал,
Где мой миленький дружочек, что словами обольщал?
Обольстил милый словами, он уверил навсегда:
«Не плачь, девица, слезами, — будешь вечно ты моя».
Мил уехал и оставил мне малютку на руках,
Как взгляну я на малютку, так слезами и зальюсь:
Чрез тебя, моя малютка, пойду в море утоплюсь.
А тебя, мой злой мучитель, я навеки прокляну.
Долго русою косою трепетала по волне,
Правой рученькой махала — прощай, миленький, прощай!
Ни на что так не взирала, как на этот темный бор.
Ни о ком так не страдала, как о миленьком своем.

‹1893›

* * *

Глухой неведомой тайгою,
Сибирской дальней стороной,
Бежал бродяга с Сахалина
Звериной узкою тропой.

Шумит, бушует непогода,
Далек, далек бродяге путь.
Укрой тайга его глухая —
Бродяга хочет отдохнуть.

Там далеко за темным бором
Оставил родину свою,
Оставил мать свою родную,
Детей, любимую жену.

«Умру, в чужой земле зароют,
Заплачет маменька моя,
Жена найдет себе другого,
А мать сыночка никогда».

Вторая половина XIX века

* * *

Вот мчится тройка почтовая
По Волге-матушке зимой,
Ямщик, уныло напевая,
Качает буйной головой.

«О чем задумался, детина? —
Седок приветливо спросил. —
Какая на сердце кручина,
Скажи, тебя кто огорчил?»

— «Ах, барин, барин, добрый барин,
Уж скоро год, как я люблю,
А нехристь-староста, татарин,
Меня журит, а я терплю.

Ах, барин, барин, скоро святки,
А ей не быть уже моей,
Богатый выбрал, да постылый —
Ей не видать отрадных дней...»

Ямщик умолк и кнут ременный
С досадой за пояс заткнул.
«Родные, стой! Неугомонны! —
Сказал, сам горестно вздохнул. —

По мне лошадушки взгрустнутся,
Расставшись, борзые, со мной,
А мне уж больше не промчаться
По Волге-матушке зимой!»

⟨1901⟩

ПРИМЕЧАНИЯ

В настоящий сборник включены избранные стихотворения как выдающихся русских поэтов, так и малоизвестных и забытых авторов конца XVIII — начала XX века, ставшие популярными песнями. Публикуются лишь авторские тексты, песенные переработки не приводятся. В ряде случаев текст печатается с сокращениями — в тех границах, в которых он прочно вошел в песенный обиход. Материал располагается в хронологическом порядке — по датам написания стихотворений (если печатается несколько произведений одного автора, во внимание принимается дата написания первого из публикуемых стихотворений). При отсутствии авторской датировки в угловых скобках указывается год, не позднее которого, по тем или иным сведениям, произведение могло быть написано (чаще всего это дата первой публикации). Предположительные даты сопровождаются вопросительным знаком. Три песни Н. Г. Цыганова, опубликованные впервые в посмертном издании (1834) и время написания которых неизвестно, оставлены без датировки. Произведения неизвестных авторов, а также те стихотворения, авторство которых точно не установлено, помещены в конце сборника.

Тексты, как правило, печатаются в последних авторских редакциях, по авторским или коллективным сборникам, изданным в Большой и Малой сериях «Библиотеки поэта»; при отсутствии таких сборников — по книге: «Песни и романсы русских поэтов», вступит. статья, подготовка текста и примечания В. Е. Гусева, «Библиотека поэта», Большая серия, М.—Л. 1965. Из комментариев В. Е. Гусева к последней книге использованы и некоторые сведения в примечаниях к настоящему сборнику. Из авторов музыки указываются лишь наиболее значительные композиторы или те, с чьей музыкой песня приобрела наибольшую популярность. Отсутствие имени композитора означает, что либо автор музыки неизвестен, либо — при наличии

нескольких композиторов — не установлен автор популярного ныне напева. Более подробные сведения об авторах текстов и музыки см. в названной выше книге «Песни и романсы русских поэтов».

«Стонет сизый голубочек...» Музыка современника И. И. Дмитриева, композитора Ф. М. Дубянского. Музыка для хора Э. Ф. Направника.

«Выйду я на реченьку...» Образцом для поэта послужила народная песня «Выйду ль я на реченьку...» Музыка приписывается Д. Н. Кашину или С. Жоржу.

Незабудочки. Сохраняется в современном устном репертуаре с напевом, отличающимся от напева народной песни «Выйду ль я на реченьку...»

Пчелка. В 1840—1860-х годах была популярна в студенческой среде.

«Раз в крещенский вечерок...» Баллада «Светлана» посвящена племяннице В. А. Жуковского А. А. Протасовой (в замужестве — Воейковой) по случаю ее свадьбы. Музыка А. А. Алябьева.

Песня («Кольцо души-девицы...»). Перевод немецкого стихотворения неизвестного автора. Музыка А. А. Алябьева.

Ночной смотр. Перевод стихотворения австрийского поэта И.-Х. фон Цедлица (1790—1862). Музыка М. И. Глинки.

«Среди долины ровныя...» Известный ныне напев — вариант мелодии другой песни, сочиненной композитором О. А. Козловским на стихи поэта XVIII века П. М. Карабанова «Лети к моей любезной...»

Романс («Под вечер, осенью ненастной...»). Популярный с начала 1830-х годов романс, напев которого восходит к музыке Н. С. Титова.

Черная шаль. Музыка А. Н. Верстовского.

Узник («Сижу за решеткой в темнице сырой...»). Популярный ныне напев возник во второй половине XIX века на

основе песенной традиции, передававшейся в революционной среде и восходящей к музыке А. А. Алябьева.

«Старый муж, грозный муж...» Песня Земфиры в поэме «Цыганы». Первоначально была опубликована отдельно, под заглавием «Цыганская песня» (1825), вместе с записью подлинного напева, услышанного поэтом в Бессарабии (запись отредактирована А. Н. Верстовским). В настоящее время более известна музыка С. В. Рахманинова (опера «Алеко»).

Зимний вечер. В основе популярного напева — музыка А. С. Даргомыжского.

«Ворон к ворону летит...» Свободное переложение французского перевода первой половины шотландской баллады Вальтера Скотта. Первые публикации стихотворения сопровождались записями музыки М. Ю. Виельгорского и А. Н. Верстовского.

Русская песня («Ах ты, ночь ли...»). Опубликованное в 1823 году, стихотворение спустя пять лет было переработано Дельвигом для М. И. Глинки, написавшего романс.

Русская песня («Соловей мой, соловей...»). Возможно, посвящено ссыльному Пушкину. С музыкой А. А. Алябьева приобрело необычайную популярность, и уже при жизни поэта появились песенные варианты.

«Не осенний частый дождичек...» Авторский текст не сохранился. Принадлежность Дельвигу устанавливается свидетельством М. И. Глинки, который в своих «Записках» сообщает также, что музыку, написанную им для этой песни, он впоследствии использовал для арии Антониды в опере «Иван Сусанин». Вариант, бытовавший в студенческой среде (с дополнительными строфами, первая строка: «Не осенний мелкий дождичек...»), опубликован в сб.: А. П. Аристов, «Песни казанских студентов 1840—1868 гг.», СПб. 1904.

Смерть Ермака. Стихотворение легло в основу популярной песни, включающей с изменениями лишь несколько строф (1, 2, 7, 10). *Муханов* Петр Александрович (1799?—1854) — декабрист, друг Рылеева.

«А х, т о ш н о м н е...» Начальные строки — перепев популярной песни Ю. А. Нелединского-Мелецкого «Ох! тошно мне на чужой стороне...». Как и последняя, исполнялась на напев украинской песни «Ой, гай, гай, гай, гай зелененький...». *Синюха* — пятирублевая ассигнация синего цвета. *А под царским орлом Ядом потчуют с вином.* — На трактирных вывесках изображался герб — двуглавый орел.

Т р о й к а («Вот мчится тройка удалая...»). Первоначально составляла часть стихотворения «Сон русского на чужбине» (1825). Быстро приобрела широкую известность и в 1832 году была напечатана отдельно, с некоторыми изменениями. Известный ныне напев восходит к музыке И. А. Рупина.

«Н е с л ы ш н о ш у м у г о р о д с к о г о...» Публикуется без четырех последних строф, опускаемых в пении. В некоторых песенниках приписывается Рылееву или Полежаеву. *В заневских башнях* — в бастионах Петропавловской крепости.

В е ч е р н и й з в о н. Перевод стихотворения английского поэта Томаса Мура (1779—1852). Посвящено Т. С. Вейдемейер, близкому другу семьи Козловых. Известный ныне напев восходит к романсу А. А. Алябьева.

П л о в е ц («Нелюдимо наше море...»). Популярный напев — устный вариант дуэта К. П. Вильбоа.

П е с н я с т а р и к а. Музыка М. А. Балакирева.

Н е ш у м и т ы, р о ж ь. Музыка Ю. К. Арнольда, написанная им по совету Белинского.

Г о р ь к а я д о л я. Музыка А. Е. Варламова.

П о с л е д н и й п о ц е л у й. Музыка М. А. Балакирева.

Х у т о р о к. Положено на музыку С. Н. Нагаевым при жизни Кольцова. В устном исполнении сокращалась и варьировалась.

«Ч т о т ы с п и ш ь, м у ж и ч о к?..» Музыка Н. П. Трубецкого.

Р а з л у к а. Получила распространение с 1850-х годов.

«Ч т о о т у м а н и л а с ь, з о р е н ь к а я с н а я...» Песня, которую поют разбойники по просьбе героя повести Буривора. Музыка А. Е. Варламова.

«Сладко пел душа-соловушко...» «Заветная» песня старины, которую поет герой романа Новик. Музыка А. А. Алябьева.

«Что ты, соловьюшко...» Музыка А. Н. Шефера, С. В. Рахманинова.

«Не шей ты мне, матушка...» Песня с музыкой А. Е. Варламова приобрела популярность не только в России, но и за ее пределами.

«Смолкни, пташка-канарейка!..» Музыка А. Н. Дюбюка.

«Что это за сердце...» Музыка А. Е. Варламова.

«Вверх по Волге с Нижня города...» В пьесе поется как «бурлацкая» песня. Напев восходит к музыке А. Е. Варламова.

Еще тройка («Тройка мчится, тройка скачет...»). Навеяно стихотворением Пушкина «Бесы». В заглавии намек на «Тройку» Ф. Н. Глинки. Музыка П. П. Булахова.

Свадьба. Музыка А. С. Даргомыжского. Была популярна в среде демократического студенчества XIX века; одна из любимых песен В. И. Ленина.

Сарафанчик. Музыка А. А. Гурилева.

Вино. Получила распространение с 1860-х годов с музыкой неизвестного композитора. В устном исполнении подверглась переработке.

Бородино. Исполняется как солдатская строевая песня с музыкой Н. П. Брянского.

Узник («Отворите мне темницу...»). Музыка Г. В. Кугушева, А. Г. Рубинштейна.

Воздушный корабль. Переработка стихотворения И.-Х. фон Цедлица (см. о нем выше, стр. 234). 12-я строфа навеяна его же балладой «Ночной смотр» в переводе Жуковского. Музыка А. Н. Верстовского.

Казачья колыбельная песня. Музыка А. Е. Варламова.

Тамара. В основе стихотворения — вариант народной

грузинской легенды о царице Дарье (Дареджан). Музыка Э. Ф. Направника.

«Выхожу один я на дорогу...» Музыка Е. С. Шашиной.

Казак на чужбине. Музыка А. А. Алябьева. *Полночный* — северный.

Песня («Молода еще девица я была...»). В основе известного ныне напева лежит музыка А. М. Ларме. В устном бытовании подверглась переработке.

Черные очи. Популярный «цыганский» романс. С успехом исполнялся Шаляпиным.

Тройка («Гремит звонок, и тройка мчится...»). Поется без первой и последней строф. Музыка П. П. Булахова.

Баллада («Перед воеводой молча он стоит...»). Стихотворение восходит к «разбойничьим» песням и народным балладам. Музыка А. Г. Рубинштейна.

В дороге. Музыка В. В. Абазы. Популярный «цыганский» романс, с успехом исполнялся певицей В. Паниной.

Фонарики. В устном исполнении сохраняются строфы 1, 4, 5, 7 и припев.

После битвы. В первой публикации было озаглавлено «Моряк». Образцом послужили греческие песни «клефтов». Музыка А. А. Гурилева. Позднее в песенном обиходе текст и мелодия подверглись переработке. На основе устной редакции в конце 1890-х годов создана матросская песня «Раскинулось море широко...»

Песня («Любил я очи голубые...»). Музыка В. Осипова. *А. О. Смирнова*, урожд. Россет (1809—1882) — фрейлина; была дружна со многими русскими писателями — Пушкиным, Вяземским, Жуковским, Гоголем и др.

«Вперед! без страха и сомненья...» С музыкой неизвестного композитора пользовалась широкой популярностью в среде революционного студенчества.

Тройка («Что ты жадно глядишь на дорогу...»). С музыкой Н. Леонтьева была популярна до 1930-х годов, позже — с народным напевом. В пении строфы 7—10 обычно опускаются.

Несжатая полоса. Входила в репертуар революционных кружков и народно-песенных хоров.

«Назови мне такую обитель...» Напев восходит к музыке из оперы итальянского композитора Дж. Доницетти «Лукреция Борджиа».

«Ой, полна, полна коробушка...» Музыка неизвестного композитора, использовавшего мелодии венгерского танца «Чардаш». В пении обычно заканчивается стихом: «Тайну свято сохрани».

«Хорошо было детинушке...» Приобрела популярность с музыкой неизвестного композитора. В пении обычно заканчивается стихом: «Ты женись, женись на мне».

«Меж высоких хлебов затерялося...» и «В полном разгаре страда деревенская...» С музыкой неизвестных авторов входили в репертуар революционных кружков и народно-песенных хоров.

Катерина. Музыка Ц. А. Кюи. С музыкой неизвестного автора распространилась с 1880-х годов.

«Колокольчики мои...» Музыка П. П. Булахова. Обычно поются первые три строфы.

Колодники. С музыкой неизвестного автора распространилась в революционной среде. Музыку писали также А. Т. Гречанинов, Н. А. Соколов и др. Одна из любимых песен В. И. Ленина.

«То не ветер ветку клонит...» Музыка А. Е. Варламова. В устном исполнении мелодия переработана.

Песня («Не брани меня, родная...»). Приобрела популярность с конца 1840-х годов с музыкой неизвестного композитора — товарища поэта.

«Однозвучно гремит колокольчик...» Музыка А. А. Гурилева.

Он. Как народная песня проникла в лубок с 1880-х годов. В устном бытовании подверглась сокращению и переработке.

Арестант. Музыка, возможно, написана самим Огаревым. Мелодия использована Д. Д. Шостаковичем в 11-й симфонии.

П е с н я ц ы г а н к и. Музыка П. И. Чайковского. Популярен также напев городского романса неизвестного автора в обработке Я. Ф. Пригожего.

У з н и ц а. Отклик на дело В. И. Засулич, совершившей покушение на петербургского градоначальника Ф. Ф. Трепова (1878). По другой версии — посвящено Лидии Фигнер, участнице «процесса 50-ти».

П е с н я («Зашумела, разгулялась...»). Приобрела популярность с 1850-х годов.

«М е д л е н н о д в и ж е т с я в р е м я...» Музыка Н. Н. Черепнина. В переложении для хора Вик. Калинникова приобрела популярность в демократической и революционной среде.

П е с н я б о б ы л я. В пении текст варьируется.

«Е х а л и з я р м а р к и у х а р ь - к у п е ц...». Иногда приписывалась Рылееву.

«В ы р ы т а з а с т у п о м я м а г л у б о к а я...» В составе повести «Дневник семинариста» (1858—1860). Была популярна в среде демократической интеллигенции.

«О, г о в о р и х о т ь т ы с о м н о й...» Популярный городской романс.

«Д в е г и т а р ы, з а з в е н е в...» Входила в репертуар цыганских хоров.

Д у м ы б е г л е ц а н а Б а й к а л е. С музыкой неизвестного автора распространилась с 1860-х годов. Известна также музыка Ю. Арнольда и хор В. Н. Гартевельда. В пении подверглась сокращению и переработке. *Баргузин* — северо-восточный ветер на Байкале (по одноименному названию горного хребта). *В норах Акатуя* — в каторжной тюрьме при Акатуйском руднике. *Корга* — отлогий песчаный берег. *Дресва* — наносный крупный песок.

Э л е г и я («Хас-Булат удалой!..»). Музыка О. Х. Агреневой-Славянской. В пении подверглась сокращению и переработке. *Ямман-Су* — горная река на Северном Кавказе.

«С л у - ш а й!». Напев восходит к музыке П. П. Сокальского. Мелодия использована Д. Д. Шостаковичем в 11-й симфонии.

Утес Стеньки Разина. Известная с 1870-х годов народная песня, мелодия которой объединила различные музыкальные источники (наиболее близкой является музыка А. Г. Рашевской).

Рябина. В пении обычно опускаются 2-я и 3-я строфы, остальные варьируются.

В степи. Переработка народной песни «Степь Моздокская». В устном исполнении подверглась сокращению и переработке.

«Сиротой я росла...» Поется с вариациями и пропуском отдельных строф.

Малороссийская песня («Я ли в поле да не травушка была...»). Музыка П. И. Чайковского. В пении текст варьируется.

Казнь Стеньки Разина. В пении текст варьируется.

Requiem («Не плачьте над трупами павших борцов...»). Распространилась с 1870-х годов с музыкой неизвестного автора. В начале XX века музыку писали М. В. Анцев, М. П. Речкунов, Н. Н. Черепнин и др.

Ямщик. Перевод стихотворения польского поэта-демократа В. Сырокомли (Людвика Кондратовича, 1823—1862). В устном бытовании подверглось сокращению и переработке.

Новая песня («Отречемся от старого мира!..»). Свободное переложение «Марсельезы». Исполнялась на мелодию французского гимна. В период от Февральской до Октябрьской революции 1917 года была официальным государственным гимном.

Последнее прости... («Замученный тяжкой неволей...»). В 1890—1900-е годы стала пролетарским траурным гимном. Была любимой песней в семье Ульяновых. Хор Большого театра СССР исполнил ее на похоронах В. И. Ленина. Пелась молодогвардейцами Краснодона перед казнью. *П. Ф. Чернышев* (1853—1876) — студент-революционер, умерший после двухлетнего заключения от туберкулеза. Похороны его (30 марта) в Петербурге превратились в политическую демонстрацию. *Наш*

враг над тобой не глумился... — Полиция была застигнута врасплох и не успела принять меры против демонстрантов.

Удалец. С музыкой неизвестного автора приобрела популярность в начале XX века.

«Из-за острова на стрежень...» В основе стихотворения — предание, изложенное в монографии Н. И. Костомарова «Бунт Стеньки Разина». *Стрежень* — глубокая часть речного русла.

Дубинушка. Переработка одноименного стихотворения В. И. Богданова (1865). Текст Ольхина лег в основу песенного варианта. Текст и мелодия припева восходят к распространенной бурлацкой песне.

Меж крутых берегов. Вошло в народно-песенный репертуар с 1890-х годов.

«Смело, товарищи, в ногу!..» Написана во время заключения в московской Таганской тюрьме. Музыка автора. Исполнялась также на напев, близкий к мелодии песни на слова И. С. Никитина «Медленно движется время...».

Варшавянка. Вольный перевод стихотворения польского поэта Вацлава Свенцицкого (1848—1900). Напев восходит к песне польских революционных эмигрантов во Франции, в устной передаче переработан. В стихе первом часто вместо «воют» — «веют».

Красное знамя. Перевод стихотворения польского поэта Болеслава Червеньского (1851—1888), написанного в 1881 году, к десятилетию Парижской Коммуны. Мелодия восходит к песне французских коммунаров, возникшей на основе «Марша фрибуржских стрелков» (музыка Й. Фогта). Высказывались предположения, что песня пелась и в других переводах.

«Варяг» («Плещут холодные волны...»). Музыка Ф. Н. Богородицкого. В устном бытовании мелодия изменена. Известность приобрели обработки А. В. Свешникова и А. Александрова. *«Варяг»* — русский крейсер, погибший во время русско-японской войны, в бою у Чемульпо 27 января 1904 года.

Памяти «Варяга» («Наверх, о товарищи, все по местам!..»). Перевод стихотворения немецкого поэта Рудольфа Грейнца (1866—1942), напечатанный вместе с оригиналом (стихотворение Грейнца было написано и впервые опубликовано в феврале 1904 года, под свежим впечатлением гибели «Варяга»). Известный ныне напев объединяет несколько мелодий (музыка А. Б. Виленской, И. Н. Яковлева, И. М. Корносевича, А. С. Турищева).

Мы кузнецы. Первоначальная редакция, легшая в основу песенных вариантов (последнюю редакцию см. в сб.: «У истоков русской пролетарской поэзии», «Библиотека поэта», Большая серия, Л. 1965, стр. 228).

ПЕСНИ НЕИЗВЕСТНЫХ АВТОРОВ

«Смело, друзья! Не теряйте...» Авторство приписывалось М. Л. Михайлову. В устный репертуар вошла в 1860-е годы. Музыка приписывается студенту Казанского университета — одному из братьев — Петру или Николаю Пескову, но, возможно, является произведением хоровой импровизации в студенческой среде. Мелодия была использована для польского марша батальона Ст. Домбровского, сражавшегося в Испании в 1936 году.

«По пыльной дороге телега несется...» Переложение песни польских революционеров 1860-х годов.

Доля. Авторство приписывается Д. А. Клеменцу. Образцом послужило стихотворение И. З. Сурикова «Эх ты, доля, эх ты, доля...». В устной передаче подверглось изменениям.

«Вы жертвою пали в борьбе роковой...» Исполнялась как самостоятельная песня, а также входила составной частью в «Похоронный марш», в контаминации с песней А. Архангельского (А. А. Амосова) «В дороге» («Идет он усталый, и цепи звенят...»).

«Солнце всходит и заходит...» Песня, известная с 1880-х годов, включена А. М. Горьким в пьесу «На дне».

Иногда исполнялась на мотив народной песни «Черный ворон».

«По диким степям Забайкалья...» В устном бытовании подверглась сокращениям и изменениям.

Колечко. Известен также вариант песни в обработке поэта М. И. Ожегова.

«Глухой неведомой тайгою...» Была распространена среди заключенных и ссыльных в предреволюционную эпоху.

«Вот мчится тройка почтовая...» Приобрела популярность с начала XX века.

СОДЕРЖАНИЕ *

---

* Первая цифра обозначает страницу текста, вторая (курсивом) — страницу примечаний.

А. К. Толстой

С. И. Стромилов

А. Е. Разоренов

И. И. Макаров

Н. С. Соколов

Н. П. Огарев

Я. П. Полонский

И. С. Никитин

А. А. Григорьев

Д. П. Давыдов

А. П. Аммосов

И. И. Гольц-Миллер

А. А. Навроцкий

И. З. Суриков

Л. И. Пальмин

Л. Н. Трефолев

П. Л. Лавров

Г. А. Мачтет

С. Ф. Рыскин

Д. Н. Садовников

А. А. Ольхин

ПЕСНИ РУССКИХ ПОЭТОВ

Редактор
И. Исакович

Художественный редактор
Р. Чумаков

Технический редактор
В. Алексеева

Корректор
Л. Никульшина

Сдано в набор 6/XII 1972 г. Подписано к печати 2/IV 1973 г. Тип. бумага № 1. Формат 70×108[1]/[32]=8 печ. л. 11,2 усл. печ. л. 7,292 уч.-изд. л. Тираж 100 000 экз. Заказ № 424. Цена 34 к. Издательство «Художественная литература», Ленинградское отделение, Ленинград, Невский пр., 28

Ордена Трудового Красного Знамени Ленинградская типография № 2 имени Евгении Соколовой «Союзполиграфпрома» при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли
г. Ленинград, Л-52, Измайловский пр., 29

Песни русских поэтов (Конец XVIII — начало XX века). Вступительная статья и составление А. Бихтера. Л., «Худож. лит.». 1973.
256 с. 100 000 экз. 34 к.

Р1
П 28

В книге собраны стихотворения свыше пятидесяти русских поэтов конца XVIII — начала XX века, ставшие популярными песнями. Наряду с выдающимися поэтами, здесь представлены малоизвестные и забытые авторы, чьи стихи, положенные на музыку, получили широкое народное признание.

7-4-1
19-73

34 к.

ПЕСНИ РУССКИХ ПОЭТОВ